

СИрения –
Четыре раба для землянки

«Литнет»

2026

– С.

Четыре раба для землянки / С. – — «Литнет», 2026

Корабль терпит крушение над неизвестной планетой, и она приходит в себя в мире, где женщины — абсолютные правительницы, а мужчины — покорные рабы, чья единственная ценность — красота и умение угождать. Её спасают, лечат, вживляют в мозг переводчик и дарят статус Госпожи низшего ранга — вместе с поместьем и двадцатью мужчинами - рабами, которые отныне принадлежат ей. Она — землянка, воспитанная в иных законах. Она пытается сопротивляться системе, но реальность беспощадна: отказаться от статуса — значит стать изгоем и обречь себя на гибель. Ей предстоит войти в высший свет, где оргии — не развлечение, а политический ритуал, а близость с рабами — не право, а обязанность, поддерживающая их здоровье и иерархию. Тело предаёт её разум, отвечая на прикосновения тех, кого она должна использовать. Но среди послушных мужчин рождается нечто запретное: чувства, которых не должно быть между Госпожой и ее рабами.

© – С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	41
Глава 15	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1

Алекс

Я очнулась от странной тишины. После взрывов, крика, раздирающего уши металлического скрежета разгерметизации - она казалась неправильной. Слишком плотной, словно меня заживо похоронили в вакууме. Она давила на барабанные перепонки, заставляла кровь биться в ушах глухими волнами. Я не сразу открыла глаза. Сначала просто слушала.

Где-то далеко - мерный гул. Похожий на работу мощных генераторов. Тело не болело. Это напугало сильнее всего. Я помнила, как переборки взрывались у меня перед лицом, как осколок пластика вошел в бедро, как легкие заполнялись чем-то горячим - кровью, смешанной с охлаждающей жидкостью из разбитой системы жизнеобеспечения. Я помнила, как подумала: *«Вот и все. Двадцать шесть лет. Неплохо»*.

Глаза открылись с трудом - веки были тяжелыми, словно на них налили свинец. Сначала я увидела только размытые пятна, потом картинка начала фокусироваться. Потолок. Он был движущимся. Я не сразу поняла это. Поначалу мне показалось, что это просто игра света, причудливая подсветка. Но, присмотревшись, я увидела, как под гладкой, похожей на стекло, поверхностью медленно перетекают золотистые и серебристые нити. Они двигались, собирались в причудливые узоры и снова распадались, словно клетки под микроскопом. Биолюминесценция. Живая ткань. Над моей головой светилась панель. Какие-то завитки, похожие на вензеля, - складывались в слова, которые я, к своему изумлению, понимала: Нейронная адаптация завершена. Языковой модуль активен.

Мне вживили в мозг переводчик. Я замерла, пытаюсь осознать это, но паника не пришла. Словно все происходило не со мной, а с кем-то другим. Тело слушалось. Я медленно, с прерывистым дыханием, приподнялась на локтях. Что-то прохладное, напоминающее жидкий шелк, - сползло с груди. Я была обнажена. Они не просто залечили раны. Они пересоздали меня.

- Медицинский модуль закончил первичную терапию, - раздался голос. Мягкий, женский. - Ваше состояние стабильно. Пожалуйста, оставайтесь на месте. За вами придут.

- Где я? - мой голос прозвучал хрипло, горло саднило.

- Медицинский центр планеты Саарит. Сектор Энеа. Вы были спасены после крушения вашего транспортного судна. Других выживших нет.

Других нет. Джейк, капитан, который смеялся за секунду до удара, рассказывал, как соскучился по своей дочке. Лена, второй пилот, которая всегда носила с собой термос с кофе и ворчала, что земной напиток здесь, в дальнем космосе, уже никто не варит. Михаил, старый инженер, чинивший все, что ломалось, даже если для этого нужно было использовать лом и матерные слова. Их больше нет. Я ждала боли, слез, отчаяния. Но пришла только пустота. Такая же холодная и тихая, как космос за бортом.

Я села, свесив ноги с лежанки. Пол под ногами оказался теплым, упругим. Комната была круглой. Стены - полупрозрачные, с белесыми разводами, за которыми угадывалось движение. Мягкий, рассеянный свет лился ниоткуда и отовсюду сразу. Я подошла к стене, коснулась ее ладонью. Поверхность подалась, потеплела, и в том месте, где мои пальцы прижались к ней, вспыхнули золотые искры, разбежались в стороны, как круги на воде. Биотехнологии. Я слышала о таких. Теоретические разработки земных ученых, которые так и не дошли до стадии практического применения. Здесь, на Саарит, они были реальностью.

Дверь открылась беззвучно, просто растворилась в стене, оставив проем, в котором стояла женщина. Она была прекрасна той красотой, которой хочется одновременно восхищаться и бояться. Высокая - почти под два метра, с идеальной, безупречной осанкой. Волосы - пепельно-серебристые, гладкие, как вода, струящиеся по плечам и спине до самой талии, переливались при каждом ее движении. Платье - темно-синее, облегалo тело, но ткань была неоднородной:

на груди и бедрах она становилась плотной, а на руках и плечах - истончалась до прозрачности, открывая бледную, с голубоватым отливом кожу.

Но самое странное - глаза. Ярко-зеленые, с золотистым ободком, они смотрели на меня так, будто я была не человеком, а любопытным экспонатом, редкой зверушкой, которую только что привезли в зоопарк.

- Ты очнулась, - произнесла она. Голос - низкий, грудной. - Хорошо. Я боялась, что регенерация окажется слишком агрессивной для твоего вида. Мы редко имеем дело с землянами.

- Вы знаете, кто я? - мой голос звучал слишком тихо. Я ненавидела себя за слабость.

- Конечно. - Женщина сделала шаг внутрь комнаты. - Твой корабль вошел в нашу систему без разрешения. Гравитационное поле Саарит затянуло его. Мы не могли этого не заметить. Поисковые модули нашли тебя в спасательной капсуле, в двух тысячах километров от орбиты. Ты была в коме и умирала. Мы тебя вылечили.

- Спасибо, - поблагодарила я, но женщина лишь усмехнулась - одними уголками губ.

- Ничто не дается бесплатно, землянка.

Она подошла ближе, остановилась в полуметре от меня, и мне пришлось задрать голову, чтобы смотреть ей в лицо.

- Меня зовут Силуанна, - сказала она. - Верховная Хранительница региона Энеа. Это моя земля, мои поисковые системы, мои ресурсы. И по праву спасения, ты принадлежишь мне.

Она произнесла это так спокойно, так буднично, словно речь шла не о человеке, а о потерянной и найденной вещи.

- Я никому не принадлежу, - возразила я. - Я гражданка Земной Конфедерации, и у меня есть права.

- Права, - Силуанна повторила это слово так, будто я сказала какую-то неприличную глупость. - Ты на Саарит. Здесь другие законы. Ты женщина. А значит, ты источник жизни. Это твой дар. И твоя обязанность.

Она развернулась, и я увидела, как на стене появилось изображение. Женщина на высоком троне. Вокруг нее - на коленях, с опущенными головами - мужчины. Много мужчин. Красивых, обнаженных, с золотыми цепями на запястьях.

- Это порядок, установленный тысячи лет назад, - продолжила Силуанна. - Мужчины - исполнители. Они служат, защищают, улаживают. Женщины - повелевают. Так было, так есть, так будет.

- Мужчины - рабы? - уточнила я.

- Рабство - когда у существа нет выбора, - поправила Силуанна. - У мужчин Саарит он есть. Они могут отказаться от служения. Лишиться защиты, пищи, крова. Их ждет смерть. Никто не выбирает смерть, землянка. Поэтому они служат. И со временем - начинают любить свое служение.

- Любить? - я не скрывала горечи. - Как можно такое любить?

Силуанна резко обернулась. Ее глаза вспыхнули золотом - буквально, я видела, как зрачки разгораются изнутри, будто в них зажгли огонь.

- Не суди о том, чего не понимаешь, - сказала она тихо, и в этом шепоте была угроза. - Ты здесь чужая. Ты не знаешь наших законов, нашей истории. Но ты узнаешь. А пока... - она указала на лежанку. - Нам нужно поговорить о твоей судьбе.

Я села. Силуанна подошла к стене, коснулась пальцем светящейся панели, и изображение сменилось. Теперь я видела поместье: двухэтажный особняк из белого камня, окруженный садами, с фонтанами, с широкими террасами, с видом на бирюзовое озеро.

- Это твой дом, - сказала она. - С сегодняшнего дня. Ты - Госпожа низшего ранга. У тебя есть поместье и рабы. Твоя задача - вписаться в наше общество, научиться его законам, заслужить повышение статуса.

- А если я не согласна? - спросила я.

- Отказ - признак слабости, - произнесла Силуанна, и в ее голосе послышалось предупреждение. - Слабость карается понижением статуса. Если ты откажешься от статуса полностью - станешь изгоем. Лишишься всего. Тебя не будут обслуживать. Тебя не будут защищать. Тебя не будут уважать. Твоя жизнь превратится в выживание.

Она сделала паузу, давая мне возможность осознать сказанное.

- Ты женщина, землянка. На Саарите женщину нельзя продать, поработить или лишить воли. Богиня запретила это тысячу лет назад, и ни одна Госпожа не нарушит этот запрет. Но ты можешь оказаться одна. Без дома, без еды, без крова. И тогда ты поймешь, что статус - это не привилегия. Это броня, за которой можно выжить.

Она посмотрела на меня сверху вниз, и в ее вертикальных зрачках отразился живой свет потолка.

- Ты хочешь стать изгоем, землянка?

Я молчала.

- Вот и хорошо, - Силуанна кивнула. - Через два дня за тобой придет транспорт. Ты переедешь в свое поместье. Тебя ждет персонал - двадцать рабов-мужчин. Они будут обслуживать тебя, удовлетворять твои потребности, выполнять приказы. И помни: секс с рабами - не привилегия, а обязанность Госпожи. Это поддерживает их здоровье, мотивацию и иерархию. Отказ от этой обязанности - признак слабости. А слабость, как я уже сказала, карается.

Она развернулась и направилась к выходу.

- Подождите! - я вскочила, чувствуя, как мир начинает плыть перед глазами. - Я не могу ... как вы не понимаете?! Это бесчеловечно!

Силуанна остановилась, обернулась.

- Здесь нет людей, дитя, - сказала она спокойно. - Здесь есть Госпожи и рабы. И ты скоро поймешь, что служить - не так уж плохо. Для них. - ее губы изогнулись в снисходительной улыбке. - Для тебя это шанс. Не упusti его.

Дверь закрылась за ней. Женщина. Свободная. Но привязанная к системе цепями статуса, от которого не могла отказаться, потому что отказ означал - смерть на улицах чужой планеты.

Роман участвует в литмобе "Хозяйка гарема рабов"

<https://litnet.com/shrt/FtKY>

Глава 2

Транспорт пришел как она и обещала. За это время меня «лечили». Мой мозг отказывался принимать реальность. Как можно жить в мире, где женщины владеют мужчинами? Где секс - это обязанность, а не желание? Где рабы улыбаются, когда их отдают другим женщинам для забав? Я была в ловушке.

Поданный мне транспорт был необычной серебристой каплей. Дверца, открывшаяся бесшумно, пригласила войти. Внутри оказалось просторно. Мягкие кресла. Столик с закусками - фрукты, похожие на земные, но с фиолетовой мякотью, и напиток янтарного цвета в высоком бокале. На стенах - голографические панели. Они показывали Саарит.

Планета была прекрасна. Я смотрела в маленькие окошки на проплывающие пейзажи. Леса изумрудного цвета, где деревья-свечи уходили в небо на сотни метров. Реки как расплавленные самоцветы, петляли между холмами. Города были похожи на огромные цветы, раскрывшие бутоны навстречу солнцу. Купола, шпили, арки, все это сверкало, переливалось оттенками. Невероятно красиво. И чуждо.

- Госпожа, - раздался голос из динамиков. Мягкий, почтительный. - Мы прибываем в сектор Энеа-7. Ваше поместье готово к приему.

Транспорт опустился. Дверь открылась. Я вылезла. Воздух ударил в лицо - влажный, сладкий, с привкусом цветов. Два солнца: одно - ярко-желтое, почти ослепительное, второе - тускло-красное, маленькое, висевшее низко над горизонтом. Они освещали дорожку из белого камня, ведущую к особняку.

Особняк в два этажа, белый камень, колонны, увитые растениями с мелкими голубыми цветами. Вокруг - сад. Идеальные газоны, клумбы, фонтан в форме женской фигуры, из глаз которого била вода.

Внутри особняк оказался еще прекраснее. Белоснежные полы, высокие потолки, светильники, излучающие мягкий золотистый свет. Мебель - диваны и кресла с изогнутыми спинками, обтянутые тканью, напоминающей бархат. Я провела пальцем по стене - гладкая, прохладная. Каждая деталь здесь была продумана до совершенства.

Я прошла в главный зал. И замерла. Вдоль стены, по стойке смирно, выстроились мужчины. Как и предупредила Силуанна их было двадцать. Все красивые. Все разные. Брюнеты и блондины, смуглые и светлокожие, высокие, мускулистые. В их взглядах читалось подострастие, смешанное с любопытством и откровенное желание. Они смотрели на меня как на Госпожу, как на ту, кто держит их жизни в своих руках. Я смотрела на них и чувствовала, как внутри меня поднимается чувство вины. За то, что я здесь. За то, что я - часть этого мира. За то, что я не знаю, как им помочь.

- Приветствуем вас, Госпожа, - шагнул вперед один из них. Темные вьющиеся волосы, карие глаза, чувственные губы. Тело с идеальными пропорциями. - Меня зовут Миран. Я временно исполняю обязанности старшего в этом поместье, пока вы не назначите своего фаворита.

Он опустился на колени. Склонил голову. За ним - все остальные. Двадцать мужчин на коленях перед одной женщиной. Передо мной. В горле встал ком, я с трудом сглотнула.

- Встаньте, - хрипло сказала я. - Пожалуйста, встаньте.

Мужчины поднялись. Но немного замешкались, не понимая, как реагировать на «пожалуйста». Здесь им не говорили «пожалуйста».

- Ваши покои готовы, - продолжил Миран, не поднимая глаз. - Ужин будет подан через час. Если вам потребуется что-то еще, просто позовите. Мы все к вашим услугам.

Я не хотела власти, не хотела рабов, не хотела становиться частью этой системы. Но другого выхода не было.

- Спасибо, - сказала я. - Я... мне нужно отдохнуть. Проводите меня в спальню.

Миран кивнул, жестом отпуская остальных, и повел меня по коридору. Я шла за ним, чувствуя на спине взгляды девятнадцати пар глаз.

Спальня оказалась огромной. С большим окном, выходящим в сад. Кровать - под балдахин из полупрозрачной ткани, переливающейся перламутром, покрытая мягкими простынями. Миран остановился у двери.

- Если я понадобится, Госпожа, - сказал он, - просто коснитесь панели у кровати. Я приду.

- Миран, - окликнула я его, когда он уже развернулся.

- Да, Госпожа?

- Как... как ты здесь оказался?

Он замер. На секунду его лицо потеряло выражение подобострастной вежливости. Я увидела озабоченность. Но она исчезла так же быстро, как появилась.

- Меня продали сюда родители, Госпожа, - ответил он ровно. - Я был слишком красивым, чтобы работать в полях. - Он улыбнулся. - Я служу уже четырнадцать лет. И, надеюсь, служить еще долго.

Он поклонился и вышел.

Я села на кровать, провела рукой по простыне. Мне претила эта система, эти мужчины, которые стояли на коленях. Я ненавидела Силуанну. Но больше всего я ненавидела свое тело, которое начинало реагировать на эту ситуацию. Когда Миран смотрел на меня своими карими глазами, когда он говорил «к вашим услугам» и опускался на колени, я чувствовала не только отвращение. Я чувствовала дрожь внизу живота. Предательскую, непрошеную. Мое тело хотело власти. Хотело этих мужчин - красивых, покорных, готовых на все, чтобы угодить. Я в мире, где женщины владеют мужчинами, где секс - это обязанность, а не желание. И я - часть этого мира. Я - Госпожа. Я должна играть по их правилам. И это пугало меня больше, чем вся планета Саарит.

Глава 3

Я проспала несколько часов. Когда проснулась, за окном сияло желтое солнце - второе, красное, за это время полностью ушло за горизонт. На Саарите был свой странный ритм, к которому мне предстояло привыкнуть. Тело отдохнуло, но разум по-прежнему находился в оцепенении. Рабы. Это слово все еще обжигало язык.

Я села, свесила ноги с кровати. Простыня сползла, обнажая тело, и я снова поразились тому, как идеально оно выглядело. Я прошла по комнате, касаясь пальцами стен, мебели, гладкой поверхности стола, на котором оставили поднос с едой. Фрукты, похожие на земные персики, но с фиолетовой мякотью. Хлеб с хрустящей корочкой. Кувшин с напитком янтарного цвета, источающим аромат меда и каких-то пряностей. Я заставила себя съесть несколько кусочков, запить сладкой жидкостью, чувствуя, как тепло разливается по желудку, возвращая силы.

- Госпожа, - раздался голос из панели у кровати. Мягкий, почтительный. - Ваши рабы хотят представиться.

Ваши рабы. Двадцать мужчин. Я глубоко вздохнула, нашла в шкафу одежду - длинное платье из текучей ткани цвета слоновой кости, мягкой, приятной телу, подчеркивающей каждую линию фигуры. Обуви не было - здесь, на Саарите, женщины высшего сословия ходили босиком. Вышла в коридор. Рядом возник Миран.

- Я провожу вас, госпожа, - поклонился он.

Мужчины снова стояли вдоль стены. Но теперь не по стойке смирно, а расслабленно, каждый в своей позе. Кто-то опирался плечом на колонну, кто-то стоял, сложив руки на груди, кто-то сидел на корточках у стены. Увидев меня, они замерли. А потом, как по команде, опустились на колени. Все до единого.

- Я же просила не делать этого, - сказала я, и мой голос прозвучал резко - Встаньте!

Мужчины поднялись, но с явной неохотой - словно мое «не надо» нарушало какой-то важный ритуал, без которого мир Саарита не мог существовать.

- Госпожа, - произнес Миран. - Позвольте представить вам ваших подданных. Но сначала... - он сделал паузу, бросил взгляд на кого-то из задних рядов, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на сомнение. - Сначала тех, кто будет при вас постоянно.

Он махнул рукой. Из толпы вышли двое. Братья - это стало понятно сразу. Одинаковая бледность кожи, те же струящиеся белые волосы, падающие на плечи и спину до самой талии, те же глаза - серебристые, с темными ободками вокруг радужки, которые делали их взгляд глубоким, почти гипнотическим.

Но были и отличия. Первый - чуть выше, чуть шире в плечах, с более жесткой линией челюсти и внимательным, цепким взглядом, который, казалось, видел меня насквозь. Второй - чуть ниже, с более мягкими чертами лица, с полуулыбкой, застывшей на губах, которая делала его похожим на херувима с древних картин - невинного и порочного одновременно.

- Аэрин, - представил первого Миран. - И Лиран, его брат. Они здесь недавно - всего год. Но уже заслужили репутацию... искусных слуг.

В голосе Мирана прозвучала едва уловимая нотка. Ревность?

Аэрин - тот, что выше, шагнул вперед и опустил на одно колено. Лиран сделал то же самое, но чуть плавнее - словно танцевал даже в этом простом движении.

- Госпожа, - произнес Аэрин. Голос у него был низкий, грудной, с легкой хрипотцой, которая заставила мое сердце биться быстрее, хотя я запрещала себе это чувствовать. - Мы - ваши слуги. Ваши тени. Ваши руки и губы. Прикажите - и мы сделаем все, чтобы вы были довольны.

- Все, что угодно, - добавил Лиран. - Мы умеем петь и танцевать. Играть на музыкальных инструментах. Декламировать стихи. Делать массаж - любой, от расслабляющего до глубокого лечебного. И, конечно, удовлетворять ваши... физические потребности.

Он произнес это с естественной грацией. Они говорили о себе как о функциональных предметах, созданных для обслуживания.

- Встаньте, - сказала я, и оба поднялись.

Теперь я могла рассмотреть их лучше. Они были одеты в легкие, почти прозрачные туники из ткани, похожей на шелк - белую на Аэрин, пепельно-серую на Лиране. Туники доходили до середины бедра, открывая длинные, мускулистые ноги. На бедрах - золотые цепи, тонкие, изящные, с мелкими подвесками, которые тихо звенели при каждом движении. На запястьях - браслеты из того же металла. И золотая пластинка вросшая в кожу запястья.

- Что это? - спросила я.

Аэрин и Лиран переглянулись.

- Идентификаторы, Госпожа, - ответил Аэрин. - В них записана вся информация о нас: происхождение, возраст, навыки, состояние здоровья. А также имя нашей Госпожи.

- Но пока там имя Верховной Матери Силуанны, - добавил Лиран. - Она владела нами до вас.

- Теперь вы можете переписать нас на себя, - закончил Аэрин. - Если хотите, мы можем быть просто арендованы. На время.

Я почувствовала, как внутри поднимается горячая волна - не гнев даже, а что-то более глубокое, бессильное.

- Я не собираюсь никого переписывать, - сказала я резко. - Вы не вещи. Вы люди.

Братья снова переглянулись.

- Здесь, Госпожа, - осторожно произнес Аэрин, - людьми считаются те, кто имеет статус. Женщины. Мужчины - рабы. Это не унижение. Это... реальность.

- Реальность, которую кто-то придумал, - возразила я.

Лиран улыбнулся.

- Вы не похожи на других Хозяек, - сказал он. - Вы смотрите на нас не как на мебель. А как на... - он запнулся, подбирая слово, и его пальцы непроизвольно коснулись идентификатора на запястье. - Как на раненых зверей. Которых жалко.

- Я не жалею вас, - солгала я, отводя взгляд. Потому что он был прав. - Я просто не понимаю, как можно жить в такой системе.

- Объяснить? - спросил Аэрин.

- Позже, - ответила я, чувствуя, что не готова к этому разговору. - Сейчас я хочу нормально поесть. И, наверное, привести себя в порядок.

- Мы поможем, Госпожа, - сказал Лиран и шагнул ко мне, протягивая руку ладонью вверх - жестом, который не оставлял сомнений: он предлагал не просто помощь, а полную покорность, готовность стать продолжением моей воли.

Я колебалась секунду, потом вложила свою ладонь в его. Пальцы Лирана сомкнулись вокруг моих. Его кожа оказалась теплой, гладкой - их берегли, знали им цену. Он повел меня через зал. Аэрин шел чуть позади.

Мы поднялись на второй этаж, прошли в просторное помещение с большим бассейном в центре. Вода в нем испускала легкий пар, пахла травами.

- Это купальня, Госпожа, - пояснил Лиран, отпуская мою руку и подходя к бассейну. Он опустился на колени у бортика, провел пальцами по воде, и та вспыхнула, словно приветствуя его. - Вода обогащена минералами, полезными для женского организма. Она снимает усталость, успокаивает нервы, улучшает кровообращение. Ваше тело еще слабо, и эта процедура поможет ему восстановиться.

Он говорил заученно, но в его голосе слышалась искренняя забота. Или мне просто хотелось так думать.

- Мы можем помочь вам раздеться, - тихо сказал Аэрин, стоя за моей спиной.

Я почувствовала его дыхание на своей шее и по позвоночнику пробежала дрожь.

- Я сама, - ответила я, но голос дрогнул, выдав мое смятение.

Ткань скользила, путалась, не хотела подчиняться. Аэрин мягко отвел мои руки в сторону - не принуждая, но и не оставляя места для возражений.

- Позвольте, Госпожа, - прошептал он.

Его пальцы - длинные, сильные, но невероятно нежные - коснулись моего плеча. Я замерла, чувствуя, как даже это легкое прикосновение отзывается где-то глубоко внутри. Плавать, подчиняясь его движению, соскользнуло вниз, открывая грудь, живот, бедра.

- Вода ждет вас, Госпожа, - сказал Лиран. Он все так же стоял на коленях у бортика, опустив голову в почтительном поклоне, не смея смотреть на мое тело без разрешения. - Идите.

Я шагнула в бассейн. Вода не обжигала - ласкала, обволакивала, проникала в каждую пору, в каждую клетку. Я погрузилась по плечи, закрыла глаза.

- Можно, Госпожа? - услышала я голос Аэрина.

Он стоял на коленях у бортика, держа в руках губку - мягкую, золотистую, источающую аромат цветов. Он ждал разрешения, не смея смотреть на меня.

- Что вы собираетесь делать? - спросила я.

- Мыть вас, Госпожа, - ответил он. - Если вы позволите. Это наша обязанность.

Я должна была отказаться. Должна была сказать «нет», вылезти из воды, уйти в спальню, закрыть дверь и не выходить до тех пор, пока не придумаю, как сбежать с этой проклятой планеты. Но я устала. Устала бороться, устала бояться, устала быть сильной, устала делать выбор, когда любой выбор казался неправильным.

- Да, - прошептала я. - Мойте.

Аэрин кивнул и опустил губку в воду. Та впитала влагу, стала тяжелой, и провел ею по моему плечу. Губка скользнула к ключице, к груди.

Лиран тем временем подошел с другой стороны. Он не взял губку - его пальцы, теплые и гладкие, коснулись моей шеи сзади, массируя, разминая, снимая напряжение. Я невольно выдохнула, расслабляя плечи.

- Расслабьтесь, Госпожа, - тихо сказал Лиран. - Не думайте. Позвольте нам заботиться о вас.

Я послушалась. И мир исчез. Остались только ощущения.

Губка Аэрина двигалась по моему телу медленно - грудь, живот, бедра. Там, где кожа была особенно чувствительной, его движения становились медленнее, почти невесомыми. Лиран продолжал массировать мою шею, спускался к лопаткам, к пояснице. Я чувствовала, как от его прикосновений разливается тепло, как мысли становятся медленными, сонными. Все их внимание было сосредоточено на мне, на моем теле.

- Повернитесь, Госпожа, - попросил Аэрин, и я послушно повернулась, подставляя спину.

- У вас красивая кожа, - тихо сказал Аэрин. - Очень нежная. Мы будем беречь ее.

- Вы так говорите со всеми Госпожами? - спросила я, не открывая глаз.

- Нет, - ответил Лиран, и его пальцы на секунду замерли. - Со многими мы вообще не говорим. Они не любят, когда рабы открывают рты без разрешения.

- А с теми, кто разрешит?

- С ними мы говорим то, что они хотят услышать, - честно ответил Аэрин. - Мы умеем читать женщин. Это наша работа. Наше предназначение. Нас учили этому с детства - распознавать желание до того, как оно будет высказано.

- А сейчас вы читаете меня?

- Мы пытаемся понять, - сказал Лиран. - Вы не похожи на других. Вы действительно не хотите власти. Это... непривычно.

- Но наша задача - служить, - добавил Аэрин. - Даже если Госпожа не знает, чего хочет. Мы должны угадать. Должны предложить. Должны сделать так, чтобы вы захотели.

Губка скользнула по ягодицам, спускаясь к бедрам, и я почувствовала, как внутри разгорается огонь. Он поднимался откуда-то из глубины, из самой сердцевины моего естества, и я не могла его остановить.

Пальцы Лирана зарылись в мои волосы, массируя кожу головы, спускаясь к затылку, к шее. Каждое его движение отзывалось теплой волной, которая растекалась по телу, заставляя мышцы сжиматься в предвкушении.

- Можно, Госпожа? - прошептал Аэрин, и я поняла, о чем он спрашивает.

Его пальцы - без губки, горячие и уверенные - скользнули между моих ног.

Я вздрогнула.

- Да, - выдохнула я.

Он не торопился. Лиран тем временем наклонился и коснулся губами моей шеи. Его губы скользили по моей коже.

- Вы пахнете цветами, - прошептал он мне в спину. - И чем-то еще. Сладким. Я никогда не чувствовал такого аромата.

Аэрин тем временем нашел бугорок, спрятанный между складок, который от его прикосновения начал наливаться жаром, требовать большего. Он гладил его подушечкой пальца, и мир сузился до точки соприкосновения его пальца с моей кожей.

Он ускорился. Двигался кругами, то сжимая, то ослабляя нажим, и я потеряла ощущение себя, потеряла границу между своим телом и его рукой.

Лиран опустил ниже - его губы скользили по моей спине, спускаясь к ягодицам, и каждый поцелуй отзывался новой волной жара. Я почувствовала, как внутри что-то сжимается и мир взорвался.

- Вы прекрасны, Госпожа, - произнес Лиран. - Когда позволяете себе чувствовать.

Я должна была возмутиться. Вместо этого я позволила им вытащить себя из воды.

Они вытерли меня мягкими полотенцами. Потом они укутали в простыню.

- Отдыхайте, Госпожа, - сказал Аэрин, укладывая меня на кушетку у стены. - Мы будем рядом. Если понадобится.

Я закрыла глаза и провалилась в сон - глубокий, без сновидений, полный темноты и покоя.

Глава 4

Я проснулась от того, что кто-то гладил мои волосы. Медленно, ритмично, с легким нажимом - нежно, но уверенно. Пальцы скользили от корней к кончикам, разглаживая пряди, и это было так приятно, что я не хотела открывать глаза.

- Ты спишь, Госпожа? - тихо спросил Лиран.

Я не ответила. Просто лежала, наслаждаясь его прикосновениями.

- Оставь ее, - произнес Аэрин.

- Не хочу, - ответил Лиран, и его пальцы продолжали свое дело.

- Расскажите о себе, - попросила я, открывая глаза.

Аэрин вздохнул и начал.

- Нас продали родители, - сказал он без эмоций, словно речь шла не о нем. - Когда нам было по десять лет. Нас заметил агент Гильдии Наслаждений.

- Он пришел в наш дом, - продолжил Лиран. - Сказал, что мы можем стать... особенными. Что нас будут кормить, одевать, учить. Что мы никогда не будем голодать. - Он замолчал.

- Вы никогда не пытались бежать? - спросила я, хотя уже знала ответ.

- Куда, Госпожа? - спросил Аэрин. - За пределами Энеа - пустоши, полные хищников и бандитов. Нас поймают, накажут, сделают кастратами. А здесь... здесь у нас есть крыша над головой, еда, работа. И иногда - хорошие Хозяйки.

Он посмотрел на меня.

- Как вы.

Я отвернулась. Мне было стыдно. Стыдно за свою беспомощность, за свое нежелание принимать эту реальность, за то, что я наслаждалась их ласками, зная, что у них нет выбора. Но тело помнило их прикосновения. И хотело большего.

- Госпожа, - тихо сказал Лиран, прочитав мои мысли. - Можно, мы покажем вам то, чему нас учили?

- Что именно?

- Все, - ответил он, и в его голосе послышалась улыбка. - Мы умеем не только мыть и массировать. Мы умеем... дарить наслаждение.

- Это правда, Госпожа. Нас готовили к этому с детства. Каждый день - по десять, по двенадцать часов. Мы учились чувствовать тело женщины лучше, чем она сама. Учились предугадывать желания, которые она еще не осознала. Учились дарить удовольствие, не получая ничего взамен.

- А вы? - спросила я. - Если вы тоже... хотите?

Аэрин и Лиран переглянулись.

- Наши желания не важны, Госпожа, - сказал Аэрин тихо. - Мы здесь, чтобы исполнять ваши.

Еще одна пауза.

- Мы хотим угодить вам, - сказал Лиран. - Это наше... призвание. Наша суть. Мы созданы для этого. И когда Госпожа находит покой в наших руках - мы чувствуем... удовлетворение.

- Вы смотрите на нас как на равных, - продолжил Аэрин. - Это... непривычно. И так нельзя.

- Почему нельзя? - спросила я.

- Потому что рано или поздно вы передадите нас другой Госпоже, - пояснил Лиран. - А мы останемся с воспоминанием того, каково это - быть почти человеком. И это будет больно. Больнее, чем любое наказание.

- Я найду способ вытащить отсюда всех.

Они переглянулись.

- Вы наивны, Госпожа, - сказал Аэрин. - Система Саарита существует тысячи лет. Ее не сломать одной женщине с двумя рабами.

Что я могла им сказать? Что они неправы? Что я сильнее, умнее, хитрее? Я была просто землянкой.

- Госпожа, - тихо сказал Лиран. - Позвольте мне... позвольте нам сделать вам приятно. Не потому, что мы должны. А потому, что мы хотим. Потому что вы заслуживаете хотя бы немного тепла в этом жестоком мире.

В его серебристых глазах горел огонь - тот, который рождается сам.

- Да, - прошептала я.

Лиран опустил голову - его губы скользили по моей груди, по животу, по бедрам. Он целовал не торопясь, впитывая каждый звук, который я издавала, каждую дрожь, пробежавшую по моей коже.

Аэрин остался у моего лица. Его губы нашли мои. Я приоткрыла рот, впуская его, и его язык скользнул внутрь.

Лиран тем временем раздвинул мои бедра, и его губы оказались там, где я больше всего хотела их чувствовать. Его язык, скользил по самому чувствительному месту, его пальцы, раздвигали складки. Он ласкал и каждое его движение отзывалось во мне вспышкой удовольствия, которая разгоралась все сильнее. Аэрин обхватил мою грудь. Его ладони сжимали, массировали, пальцы щипали соски, и это усиливала наслаждение от того, что делал Лиран внизу. Я могла только чувствовать. Их руки, их губы, их языки - они были везде, они заполняли меня целиком, не оставляя места ни для стыда, ни для сомнений.

Лиран ускорился. Его язык двигался быстрее, и я почувствовала, как внутри нарастает напряжение. Аэрин сжал мои соски сильнее, и мир взорвался. Тело билось в судорогах, и я тонула, тонула в этом удовольствии, которое не заканчивалось. Они не останавливались. Продолжали ласкать меня продлевая оргазм, растягивая его на бесконечные секунды.

Когда я наконец обмякла, обессиленная, они лежали рядом, не касаясь меня, но их дыхание было таким же прерывистым, как мое.

- Спасибо, - прошептала я, не открывая глаз.

- Это наша работа, Госпожа, - ответил Аэрин, но в его голосе прорезалось что-то новое.

Что-то, что не вписывалось в правила Саарита.

Глава 5

Утро новой жизни

Я проснулась от голосов. Сознание возвращалось медленно, как будто я всплывала из глубины. Воспоминания постепенно наполняли голову – я на Саарите, и я госпожа. Потом пришли звуки. Голоса - тихие, почтительные, они доносились откуда-то снизу. Я не разбирала слов, только интонации: мягкие, льющиеся, без единой ноты напряжения.

Я открыла глаза и села на кровати. Тело помнило вчерашнее - прикосновения Лирана, его губы на моей шее, его пальцы, скользящие между ног. И удовольствие оседало где-то внизу живота горячим комом. Я зажмурилась, пытаюсь прогнать воспоминания, но они не уходили. Они пульсировали в каждой клетке моего тела, напоминая о том, как я таяла в их руках, как позволила им делать со мной все, что они хотели. Нет, не так. Я *хотела* этого.

Комната была огромной и светлой. Стены, покрытые тканью персикового оттенка, мягкий ковер под ногами. Мебель была изящной, с изогнутыми ножками, обитая бархатом. В углу стоял туалетный столик с большим овальным зеркалом в резной раме. Я подошла к нему и посмотрела на свое отражение.

Та же бледная кожа, те же темные волосы, те же глаза. Но было и что-то новое. В глубине зрачков мерцала золотая искра. Они вживили мне в мозг переводчик, и он изменил меня. Моя земная часть, начинала стираться, уступая место чему-то чужому, сааритскому. Из-за двери донеслись голоса. Теперь я могла разобрать слова.

- ...она, наверно, еще спит? - произнес кто-то - я узнала его. Аэрин.
- Она так устала вчера... - второй голос, мягче, теплее. Лиран. - Я не хочу ее будить.
- Но Верховная Мать пришлет Маргит через час. Она должна быть готова.
- Я успею, - ответил Лиран. - Не беспокойся.

Это было странно - быть объектом их заботы, их внимания. За всю мою жизнь никто не говорил обо мне с такой нежностью. Здесь у меня было двадцать мужчин, готовых исполнить любое мое желание. И это пугало.

Я подошла к окну и раздвинула занавески. Свет хлынул в комнату, заливая ее золотом. Сад, раскинувшийся за стеклом, был прекрасен - идеальные газоны, клумбы с цветами, которых я никогда не видела, фонтан, из которого била прозрачная вода, отражающая лучи двух солнц. Вдалеке виднелись горы - синие, с белыми шапками облаков у вершин. Красиво. Здесь было тепло, уютно. Но я не могла избавиться от ощущения, что нахожусь в клетке.

В дверь тихо постучали.

- Войдите, - сказала я.

Дверь открылась. На пороге стоял Лиран, держа в руках поднос с завтраком. Его белые волосы, струились по плечам серебряным водопадом, а глаза - серебристые, с темным ободком - смотрели на меня с той же мягкостью, что и вчера. Он был одет в легкую тунику, которая открывала его мускулистые руки и ноги, и я снова заметила, как красиво его тело - стройное, гибкое, сильное.

- Доброе утро, Госпожа, - сказал он. - Я принес вам завтрак. Надеюсь, вы голодны.
- Спасибо, - ответила я.

Я помнила его руки на своем теле, его губы на своей коже, его язык, скользящий по моим складкам. И от этих воспоминаний внутри снова разгорался огонь. Лиран поставил поднос на столик у окна и выпрямился. Его глаза на мгновение задержались на моем лице, и я почувствовала, как он читает меня - мою неловкость, мое смущение, мое желание, которое я пыталась спрятать.

- Аэрин внизу, Госпожа, - сказал он, отводя взгляд. - Он проверяет, как приготовили свежие фрукты для вас. Он хочет, чтобы вы ели только самое лучшее.

- Спасибо, что заботитесь обо мне, - сказала я, и в моем голосе прозвучала благодарность.
- Это наша работа, Госпожа, - ответил Лиран. - Но с вами... это приятно.

В этот момент дверь снова открылась, и в комнату вошла высокая фигура в темно-зеленом платье. Женщина была старше меня - лет пятидесяти, с седыми волосами и пронзительными серыми глазами, которые смотрели на меня с оценивающим любопытством. От одного ее взгляда по моей коже пробежали мурашки.

- Госпожа Алекс, - сказала она, слегка наклоняя голову. - Меня зовут Маргит. Верховная Мать Силуанна прислала меня, чтобы помочь вам адаптироваться к жизни на Саарите.

Я почувствовала, как внутри все сжалось. «Помочь адаптироваться» - это звучало как приговор. Как еще одна цепь, которую на меня наденут, даже не спросив, хочу ли я ее носить.

- Я не нуждаюсь в адаптации, - сказала я, хотя в глубине души знала, что это ложь. Я была здесь чужой, потерянной, и каждый час новой жизни доказывал это.

Маргит усмехнулась - одними уголками губ. В ее глазах мелькнуло что-то похожее на снисхождение, и от этого мне стало еще хуже.

- Все новые Госпожи так говорят, - сказала она. - Но через месяц вы уже будете смотреть на это иначе. Или не будете - и тогда вас понизят в статусе.

- Вы угрожаете мне? - спросила я, чувствуя, как гнев поднимается внутри.

- Я предупреждаю, Госпожа, - поправила она. - Разница между угрозой и предупреждением в том, что угроза исходит от врага, а предупреждение - от того, кто хочет вам помочь. Я здесь, чтобы помочь вам, хотите вы этого или нет.

Она вошла в комнату, и я заметила, как Лиран мгновенно опустил глаза и сделал шаг назад. Его тело напряглось, как струна - он ждал приказа, боялся сделать лишнее движение. Маргит даже не взглянула на него, словно его здесь не было.

- Ты можешь идти, - сказала она, не глядя на Лирана.

Он поклонился и вышел, бесшумно, как тень, оставив меня одну с этой суровой женщиной. Дверь закрылась за ним, и в комнате повисла тишина. Маргит подошла к столу и села, не дожидаясь моего приглашения. Она сложила руки на коленях и посмотрела на меня с выражением, которое я бы назвала «учительским».

- Давайте начнем с самого важного, Алекс, - начала она. - Вы знаете, каковы ваши обязанности?

- Я должна управлять поместьем, - ответила я, чувствуя себя школьницей, которую вызвали к доске. - Заботиться о рабах.

- Заботиться, - повторила Маргит, и в ее голосе послышалась насмешка. - Интересное слово. Да, вы должны заботиться о них. Но забота на Саарите означает нечто иное, чем на вашей Земле, если я правильно понимаю.

Она выдержала паузу, и в этой тишине я почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

- Секс с рабами - это не привилегия, Алекс, - сказала она, и ее слова ударили меня, как пощечина. - Это обязанность.

Мне показалось, что мир на мгновение остановился. Я почувствовала, как кровь отливает от лица, как внутри все переворачивается. Что она сказала? Я не могла поверить своим ушам.

- Что? - выдохнула я. Мой голос дрогнул, выдавая панику, которую я пыталась скрыть.

- Вы должны регулярно вступать с ними в половую связь, - продолжила Маргит, не обращая внимания на мой шок. - Это необходимо для поддержания здоровья, мотивации и иерархии. Рабы, которые не получают внимания Госпожи, становятся вялыми, апатичными, теряют интерес к жизни. Они начинают болеть, увядать. Секс - это их топливо, их энергия, их смысл существования.

- Это бесчеловечно! - воскликнула я, чувствуя, как гнев и отвращение смешиваются внутри в коктейль. - Как вы можете так говорить? Это насилие!

- Это физиология, - спокойно ответила Маргит. - Мужчины Саарита устроены так, что их организм требует регулярной разрядки. Без нее они чахнут. У нас есть медицинские исследования, подтверждающие это. И мы, женщины, обязаны поддерживать их здоровье.

Я смотрела на нее и не верила своим ушам. Моя голова шла кругом. Внутри все кричало о том, что это неправильно.

- Я не могу... я не хочу... - пролепетала я, чувствуя, как слова застревают в горле.

- Вы можете и хотите, - перебила меня Маргит, и в ее голосе не было ни капли сомнения. - Ваше тело хочет. И вы скоро это поймете. Вопрос только в том, готовы ли вы принять эту ответственность.

Она встала из-за стола. Ее платье шелестело, как крылья хищной птицы, и я почувствовала себя маленькой и беззащитной перед этой женщиной.

- Завтра утром вы проведете первую инспекцию гарема, - сказала она. - Вы увидите их всех - их тела, их таланты, их возможности. И вы выберете фаворитов - тех, кто будет при вас постоянно.

- Я не хочу выбирать! - выкрикнула я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

- Вы обязаны, - жестко сказала она. - Отказ - признак слабости. А слабость карается понижением статуса. Если вы потеряете статус, вас изгонят из Энеа. Вы окажетесь в пустошах, без защиты, без ресурсов. Вы не знаете, что это такое. Но я знаю. И поверьте - вы не захотите этого.

Она направилась к двери, но остановилась на пороге и бросила на меня последний взгляд.

- Завтра, Алекс, - сказала она. - В главном зале, через час после восхода желтого солнца. Я буду ждать.

Дверь закрылась за ней, и в комнате воцарилась тишина. Я стояла посреди комнаты, чувствуя, как мир рушится на осколки. Секс. Обязанность. Не привилегия, не желание, не любовь - обязанность. Мне нужно будет отдаваться этим мужчинам, чтобы они не увяли. Я должна стать для них... чем? Источником энергии?

Что, если она права? Что, если я смогу принять эту власть, эту ответственность, эту близость, которая пугала и манила одновременно? Я заставила себя успокоиться. Я должна быть сильной. Должна научиться играть по их правилам. Мне нужно понять их. Понять этих мужчин, которые служат мне.

Глава 6

Алекс

Маргит пришла на рассвете. Я слышала ее голос в коридоре - низкий, властный, отдающий распоряжения кому-то из рабов. Я замерла у окна, глядя на сад, который казался райским уголком. Два солнца только начинали свой путь по небу. Я оделась в платье, которое приготовили для меня. Алое, с глубоким декольте. Оно не скрывало тело, и я чувствовала себя обнаженной. Кожа еще помнило прикосновения братьев - их губы, их руки.

Двадцать мужчин. Двадцать фигур в одинаковых белых туниках, с опущенными головами. Я остановилась на пороге. Маргит стояла в центре, держа в руках тонкий стек. Рядом с ней - Миран. Сегодня он был одет в черные облегающие штаны и короткий жилет, который открывал мускулистые руки и грудь. Он стоял прямо, с гордой осанкой, и его карие глаза смотрели на меня со спокойной уверенностью.

- Госпожа Алекс, - сказала Маргит, когда я приблизилась. - Сегодня вы увидите своих рабов такими, какие они есть. Без одежды. Без притворства. Вы увидите их тела, их таланты, их возможности. Это поможет вам принимать правильные решения.

Она сделала паузу, и я почувствовала, как ее взгляд пронзает меня, сканирует, оценивает.

- Миран будет вашим помощником. Он знает каждого из них - их сильные и слабые стороны. Слушайте его внимательно.

Я кивнула. Двадцать рабов. Двадцать мужчин, которых я должна оценить, выбрать или отвергнуть. Миран шагнул вперед и слегка склонил голову.

- Госпожа, - произнес он, - позвольте представить ваш гарем.

Он повернулся к мужчинам. Они ждали.

- Мы начнем с первого ряда, - сказал он. - Я буду называть имя, и раб выйдет в центр. Вы сможете его рассмотреть. Оценить его тело, его талант. Не торопитесь, Госпожа. У нас есть время.

Он кивнул первому мужчине в ряду, и тот шагнул вперед.

Он снял тунику, и я увидела его тело - стройное, мускулистое. Он стоял неподвижно, глядя прямо перед собой.

- Айдан, - сказал Миран. - Двадцать шесть лет. Родом из южных пустошей. Был пойман в возрасте шестнадцати лет и продан в Гильдию. Специализируется на физическом труде - может носить тяжести, выполнять любые поручения Госпожи.

Он сделал паузу, и я увидела, как мужчина напрягся.

- Но его главное достоинство - выносливость. Он может иметь госпожу часами без усталости. И он предан. Если вы прикажете - он умрет за вас.

Айдан вернулся в строй, за ним вышел следующий. Высокий, стройный мужчина со светлыми волосами и бледной кожей.

- Тейн, - сказал Миран. - Мастер массажа. Его руки могут снять любую боль. Многие Госпожи держат таких рабов при себе для ежедневного ухода.

Тейн снял тунику, и я увидела его руки - длинные пальцы, сильные, но нежные. Он повернулся, показывая себя со всех сторон, и я заметила, как он двигается - плавно, текуче, словно вода. Он подошел ко мне, и я вздрогнула, когда он коснулся моего плеча. Его пальцы были теплыми, и они двигались по моей спине, массируя, разминая. Я чувствовала, как напряжение уходит из мышц, как тело расслабляется.

- Достаточно, - сказала Маргит, и он отступил.

- Дамиан, - сказал Миран, и я увидела мужчину с темными волосами и зелеными глазами, который стоял с легкой улыбкой на губах. - Поэт и музыкант. Его голос может заставить плакать даже самую жестокую Госпожу.

Раб запел. Голос был глубоким, бархатным, он проникал в самую душу. Он пел о потерянной любви, о свободе, которую невозможно обрести, о надежде, которая умирает последней. Каждая нота отзывалась в моей душе, каждый звук проходил сквозь меня, оставляя после себя боль.

Когда он закончил, я почувствовала, как по щекам текут слезы.

- Спасибо, - прошептала я.

Он поклонился и отошел.

Следующий. Следующий. Следующий. Каждый из них выходил в центр зала, снимал одежду, показывал себя. Я видела их всех - светлых и смуглых, сильных и гибких. Они были красивыми. Все до одного. Но за этой красотой я видела страх. Каждый из них боялся, что я отвергну его. Что я оставлю его без внимания.

Очередь дошла до братьев. Они вышли в центр зала вместе, как единое целое. Их волосы струились по плечам серебряным водопадом. Они были прекрасны - как два ангела.

- Аэрин и Лиран, - сказал Миран, и в его голосе послышалось уважение. - Вы уже немного узнали их. Наши лучшие рабы. Обучены всем видам утех. Они - ваши самые ценные рабы. Покажите себя, - приказал Миран.

Это был танец. Не просто танец - соблазнение в танце. Каждое движение было отточено до совершенства, каждый жест дышал чувственностью. Свет падал на их тела, выхватывая из полумрака изгибы мышц, линии бедер, тени под ключицами. Они двигались синхронно, но не одинаково - дополняя друг друга, как две половины одного целого, и от этого зрелище становилось гипнотическим.

Аэрин начал первым. Его руки поднялись над головой, пальцы раскрылись, словно ловя невидимый свет. Он изогнулся назад, и его позвоночник выгнулся дугой, мышцы живота напряглись, обозначая рельеф пресса. Затем его руки медленно опустились - по груди, по животу, по бедрам, описывая круги у самых паховых костей, не касаясь, но дразня. Его взгляд нашел меня, и я почувствовала, как внутри что-то сжимается. В его глазах я видела обещание, темное и манящее.

Лиран подхватил движение. Он сделал шаг вперед, и его тело изогнулось в плавном, змеином движении. Он двигался иначе - более мягко, более текуче, как вода, как струящееся серебро. А потом они повернулись ко мне. И в их взглядах я прочитала то же обещание, что и в танце. Соблазнение. Они не касались меня, но я чувствовала каждое их движение как прикосновение.

Аэрин опустился на колени. Его руки скользнули по моим ногам - не касаясь, но так близко, что я чувствовала тепло его ладоней через ткань платья. Он поднял на меня глаза, и в них я видела желание. Чистое, открытое, без стыда. Лиран оказался за моей спиной. Я чувствовала его дыхание на своей шее. Его пальцы коснулись моего плеча, и я вздрогнула. Он провел ими по ключице, по шее, и я закрыла глаза, чувствуя, как внутри разливается жар.

Аэрин продолжал двигаться. Он оказался передо мной, и я видела, как его грудь вздымается от дыхания, как на его коже блестит пот. Он взял мою руку и прижал ее к своей груди - прямо к сердцу.

- Вы чувствуете, Госпожа? - спросил он, и его голос был низким, хриплым. - Как оно бьется для вас.

Лиран тем временем прижался ко мне сзади. Его руки обхватили мою талию. Он коснулся губами моего уха, и я вздрогнула.

- Мы хотим вас, Госпожа, - прошептал он. - Мы хотим подарить вам наслаждение, которое вы никогда не забудете.

Они продолжали танцевать вокруг меня. Их тела двигались рядом, касаясь меня, обещая. Я чувствовала их желание.

А потом Аэрин опустился на колени. Лиран - рядом с ним. Два идеальных мужчины у моих ног.

- Мы ваши, Госпожа, - сказал Лиран. - Прикажите - и мы сделаем все, что вы захотите.

Я смотрела на них, и чувствовала, как внутри меня поднимается желание. Жажда. Нечто темное и прекрасное, что я прятала глубоко внутри.

- Довольно, - сказала Маргит, и братья отошли. - Теперь вы должны выбрать фаворитов. – Обратился ко мне старший.

Двадцать пар глаз смотрели на меня. И понимала, что мой выбор определит их судьбу. Я не хотела этой власти. Но у меня не было выбора.

- Аэрин, - сказала я. - Лиран.

Маргит кивнула.

- Хороший выбор. Братья - для утех и развлечений. Я одобряю.

Она повернулась и покинула дом. Ко мне подошел Миран. Он не опустился на колени.

- Госпожа, - тихо сказал он, - вы выбрали правильно. Но вы должны знать: ваша обязанность - не только быть с ними. Вы должны иметь всех.

- Я не представляю, как, - сказала я, и голос мой дрогнул.

- Я помогу вам, - ответил он. - Я составлю расписание.

Я кивнула. Двадцать мужчин. Двадцать жизней, которые зависят от меня.

Я вышла в коридор и прислонилась к стене, закрывая глаза.

- Госпожа, - раздался голос рядом. Я открыла глаза и увидела Лирана. - Мы будем служить вам. Мы не подведем вас.

Он протянул руку, и я вложила свою ладонь в его. Его пальцы сомкнулись вокруг моих.

- Пойдемте, Госпожа, - тихо сказал он. - Вам нужно отдохнуть. Сегодня был трудный день.

Я позволила ему вести меня. Я знала, что этот день изменил все. Но я еще не знала, как именно.

Глава 7

Аэрин

Я стоял в строю, когда она вошла в главный зал в день инспекции. Золотое солнце Саарита пробивалось сквозь витражные окна, разбивая свет на тысячи цветных осколков, которые скользили по мраморному полу.

Алый цвет платья, глубокое декольте, волосы, уложенные так, чтобы открывать шею, - она выглядела как настоящая Госпожа. Как те женщины, которые правили на Саарите с рождения. Но я видел, как дрожат ее руки. Она нервничала.

Маргит говорила. Голос наставницы лился рекой, перечисляя имена, обязанности, традиции, правила. Все это было важно для Алекс. Я видел ее смущение от слишком развратных поз, которые показывали некоторые из нас выходя на середину зала.

Она не хотела быть здесь. Она не хотела этой власти. Она не хотела выбирать между нами. Она вообще не хотела ничего из того, что ей навязывали. Но у нее не было выбора.

Потом Миран вызвал нас с Лираном.

Мы вышли в центр и начали двигаться. Танец был древним. Его танцевали веками, поколениями рабов, чтобы показать Господам свою покорность и искусность. Но я вложил в каждое движение нечто другое. Я говорил с ней языком тела. Я просил ее не отчаиваться. Я кружился, изгибался, скользил по полу. Лиран двигался синхронно со мной - мы делали это тысячи раз, и наши тела помнили каждое движение, каждый поворот. Я видел, как она смотрит на нас. Она не отводила взгляда. И это давало надежду.

Я подошел к ней ближе, чем позволяли правила. Взял ее руку и прижал к своей груди. Кожа к коже. Я хотел, чтобы она знала. Чтобы она чувствовала то же, что и я. Что она для нас - не просто Госпожа.

Когда все закончилось, Маргит объявила, что настало время выбора. Я стоял на коленях, опустив голову, и ждал. Мое сердце билось так громко, что я боялся: она услышит. Я молился всем богам - только бы она выбрала нас. И она нас выбрала.

Сердце забилося быстрее. Я не хотел показывать свои чувства при Маргит. Но внутри меня все пело.

Но она смотрела на нас как на людей. Как на мужчин. И это меняло все. Я видел, как она устала. Лиран взял ее за руку и повел в спальню. Я знал, что это нарушает правила. Я знал, что Миран будет недоволен. Но это было необходимо и ей и нам.

- Мы хотим быть с вами, - сказал я. - Не по расписанию. По желанию.

Я видел, как она колеблется. Как она кусает губу, раздумывая. Я смотрел на нее, и в полумраке ее глаза казались двумя звездами. Лиран рядом со мной дышал так же неровно, как и я. Мы оба хотели ее. Она колебалась. Но кивнула. Я наклонился и поцеловал ее ключицу - нежно, едва касаясь губами. Я чувствовал, как дрожит ее кожа под моими губами. Как ее дыхание сбивается.

Лиран пододвинулся ближе с другой стороны, и его рука легла на ее бедро. Он гладил ее кожу - медленно, круговыми движениями. Я провел ладонью вниз по ее животу. Кожа была гладкой, нежной. Задержался у ее лона, но не коснулся его. Снова поцеловал ее - на этот раз в губы. Ее язык коснулся моего. Это было как вспышка.

Лиран ласкал ее грудь, вбирая губами соски, вырывая из нее стоны. Я опустился ниже, целуя живот, внутреннюю сторону бедра. Я чувствовал, как дрожит ее кожа под моими губами. Когда я коснулся языком ее плоти между складок, она вздрогнула и тихо вскрикнула. Я продолжал - наблюдая за ее реакцией. Она была между нами, ее тело откликалось на каждое наше прикосновение.

Она была влажной от наших ласк, готовой к принятию. И я не стал больше ждать. Прижал свое достоинство к входу. Лиран продолжал ласкать - его пальцы скользили по груди, соскам, по животу, поддерживая огонь, который я разжигал внутри нее.

Я не торопился. Я хотел, чтобы она помнила каждое мгновение, каждое касание, каждую волну удовольствия, которая нарастала в ней. Она начала двигаться мне навстречу, и я ускорился. Ее дыхание стало прерывистым, стоны - громче, и я чувствовал, как внутри все сжимается.

Я позволил себе излиться в тот же момент, как она взорвалась в оргазме, ее волна прокатилась по моему телу, ослепляя, оглушая, стирая весь мир, кроме нее. Лиран отодвинулся, давая нам насытиться друг другом. Я отстранился, чувствуя, как ее дыхание постепенно выравнивается, как тело расслабляется в моих руках. Но Лиран тоже ждал своей очереди, его желание было таким же сильным, как и мое.

Она лежала на спине, прикрыв глаза, когда Лиран скользнул к ее ногам. Он опустился на колени у края постели, провел ладонями по ее бедрам. Он перевернул на живот. Алекс не сопротивлялась. Его пальцы скользнули по позвоночнику, спускаясь все ниже и ниже, пока не замерли у основания ее спины. Я видел, как по ее коже пробегает дрожь.

Он поднялся над ней, нависнув сзади, раздвинул ягодицы и вошел оттуда. Очень медленно, давая ей время. Его бедра описывали плавные круги, его ладони лежали на ее ягодицах. Он не спешил, наслаждаясь каждым мгновением, каждым стоном, который она издавала. Его губы скользили по ее спине, оставляя влажные следы, а его пальцы находили самые чувствительные места.

Она застонала громче, уткнувшись лицом в подушку - от удовольствия, от новых волн наслаждения. Лиран ускорился, его движения стали глубже, и я видел, как ее тело откликается на каждое его проникновение. Ее бедра приподнялись, встречая его. Лиран растворился вместе с ней в этом взрыве чувств, в общем полете, в этом мгновении.

И в этот момент я понял, что готов на все. Что ради нее я пойду против мира. Даже против себя.

Глава 8

Лиран

Она спала. Ее лицо было повернуто ко мне, и я видел каждую черточку, каждую тень, которую утренний свет рисовал на ее коже. Изгиб бровей, приоткрытые губы. Волосы рассыпались по подушке золотым водопадом, и в утреннем свете они казались расплавленным металлом.

Я замер. Боялся, что это сон. Что она была лишь иллюзией, порожденной отчаянным желанием, которое я научился прятать так глубоко, что сам почти забыл о нем. Но она была здесь. Настоящая.

Я боялся разбудить ее. Боялся, что она откроет глаза и увидит меня - настоящего, без масок, без притворства. Я хотел запомнить этот момент. Врезать его в память, чтобы, когда все закончится - у меня осталось хоть что-то.

Я позволил себе вспомнить. Ночь. Ее кожа под моими пальцами была гладкой, как шелк, и я чувствовал, как она дрожит от каждого прикосновения. Ее дыхание сбивалось, когда Аэрин целовал ее, когда его губы скользили по ее шее, по ключицам, ниже. Ее стоны были тихими, почти беззвучными. Я помнил, как она смотрела на меня, когда я вошел в нее. Я смотрел в ее глаза и видел там себя - такого, каким я никогда не был. Она была прекрасна в своем экстазе. Я чувствовал, как ее тело пульсирует вокруг меня.

Ее лицо было безмятежным, ее ресницы трепетали - ей снилось что-то хорошее. Я хотел, чтобы она улыбалась. Хотел, чтобы она никогда не знала боли, которую знали мы. Чтобы она никогда не просыпалась с криком, как просыпался я.

Этот мир был жестоким. Он превращал мужчин в вещи, а женщин - в бездушных правительниц. Он не щадил никого. Я видел, как он ломал других рабов, превращая их в пустые оболочки. Я боялся за нее. Что она станет такой, как другие Госпожи.

Я вспомнил, как нас продали. Мне было десять лет. Аэрину - тоже. Мы стояли на рынке, держась за руки, и смотрели, как наша мать плачет. Ее лицо было мокрым от слез, и она не вытирала их. Отец стоял рядом, опустив голову. Он не мог смотреть нам в глаза. Я ненавидел его в тот момент. Я ненавидел его за то, что он не защитил нас. За то, что он смотрел в землю, пока его сыновей продавали.

Агент Гильдии Наслаждений подошел, осмотрел нас так, будто мы были товаром, и кивнул. Он заплатил родителям мешок монет - мешок, который стоил наших жизней. Мы не сопротивлялись. Мы знали, что это бесполезно. Мы позволили увести себя.

Я помнил, как нас учили забывать. Как нас учили быть идеальными. Я помнил, как Аэрин плакал по ночам, и я держал его за руку, пока он не засыпал. Я научился отключать свои чувства. Я научился улыбаться, когда хотелось плакать. Я научился быть вещью. Но с ней я снова начал что-то чувствовать.

Я не знаю, сколько времени прошло. Но когда она открыла глаза, я все еще смотрел на нее.

- Лиран, - прошептала она.

- Доброе утро, Госпожа, - сказал я.

Она поморщилась, и я увидел, как ее губы сжались в тонкую линию.

- Не называй меня так.

- Как?

- Госпожа. - Она приподнялась на локте, и простыня соскользнула, открывая ее плечи.

- Я Алекс. Просто Алекс.

Я смотрел на нее и не верил своим ушам. Это было неправильно. Мы - рабы. Она - Госпожа. Между нами были стены, которые никто не мог разрушить.

- Но вы - Госпожа, - сказал я, и мой голос дрогнул.

- Я женщина, - ответила она. - Которая хочет, чтобы ты называл ее по имени.

Я колебался. Нарушать правила было опасно. Я знал, что будет, если нас поймают на этом. Но я понимал, что не могу ей отказать. Потому что она смотрела на меня так, будто я был человеком.

- Алекс, - сказал я, и это прозвучало странно, непривычно, как будто я учился говорить заново.

Она улыбнулась.

- Вот так. И не забывай.

Она легла обратно на подушку и посмотрела на меня.

- Ты давно не спал?

- Давно, - честно ответил я. - Я смотрел на вас.

- На меня?

- Да. Вы так прекрасны, когда спите.

Она покраснела.

- Ты говоришь такие вещи всем Госпожам? - спросила она, и в ее голосе была легкая насмешка.

- Нет, - ответил я. - Только вам. Только... тебе.

Она протянула руку и коснулась моего лица. Ее пальцы скользнули по щеке, по губам, и я закрыл глаза, чувствуя это прикосновение.

- Ты удивительный, - сказала она. - Ты и твой брат. Я не знаю, что бы я делала без вас.

Я взял ее руку и поцеловал пальцы - каждый по очереди.

- Мы будем защищать тебя, - сказал я. - Мы будем рядом.

Я наклонился и поцеловал ее. Нежно. Она ответила на поцелуй, и я чувствовал, как ее губы движутся под моими. Мы лежали в тишине, и я чувствовал, как ее дыхание становится ровным. Она засыпала - снова, и я был рад, что она может позволить себе быть уязвимой рядом со мной. Когда она заснула, я вышел из комнаты.

В коридоре я встретил Мирана. Он стоял, скрестив руки на груди.

- Ты знаешь, что это опасно? - спросил он. - Стены тонкие и я все слышал.

Он смотрел на меня долгим взглядом, и я видел, как в его глазах мечутся мысли. Он был старше меня, он видел больше, и я знал - он уже прошел через то, через что я только начинал проходить.

- Она другая, - тихо произнес он. - Я это понял с первых минут, как увидел ее. Она не такая, как остальные.

- Я знаю.

- Если ты причинишь ей боль, я убью тебя. - В его голосе не было угрозы. Только констатация факта.

Я посмотрел на него и улыбнулся.

- Я скорее умру сам, чем причиню ей боль. Ты можешь не сомневаться в этом.

Он кивнул и отошел. Я не знал, что будет завтра. Но отдам жизнь за нее, если потребуется. Потому что с ней я чувствовал себя свободным.

Глава 9

Алекс

Я проснулась оттого, что кто-то дышал мне в затылок. Ровное, спокойное дыхание, которое касалось моей шеи. Аэрин лежал рядом. Его пальцы чуть заметно поглаживали кожу, и это прикосновение было таким интимным, что я боялась спугнуть этот момент.

- Ты не спишь, - прошептал Аэрин.

Я улыбнулась.

- Откуда ты знаешь?

- Когда ты спишь, то дышишь глубже, ровнее. А сейчас - поверхностно, быстро. О чем ты задумалась?

Я повернулась к нему. Он лежал на боку, подперев голову рукой, и смотрел на меня. Его глаза - темные, глубокие, с золотистыми искрами, изучали мое лицо. Его волосы падали на лоб тяжелыми прядями, и я протянула руку, убирая их, проводя пальцами по его виску, по скуле, по губам.

- Я думаю о том, что сегодня будет, - честно ответила я. - Двадцать рабов, которых мне надо посетить.

Он промолчал. Его пальцы продолжали гладить мою талию.

- Где Лиран? - спросила я.

- Внизу. Готовит для тебя завтрак. - Аэрин улыбнулся - Он сказал, что хочет, чтобы ты поела нормально. Он беспокоится. Мы оба беспокоимся.

- Вчера я ела.

- Ты съела половину лепешки и выпила чай. - Он сморщил лоб. - Это не нормально. Это голодание. Ты ела как птичка, Алекс.

Я фыркнула, но спорить не стала. Потому что он был прав. Вчера я почти не ела - слишком много мыслей, слишком много всего. И они заметили.

- Иди, - велела я. - Я спущусь через десять минут. Мне нужно привести себя в порядок.

- Я могу помочь, - предложил Аэрин, вставая с постели.

- Я сама, - качнула я головой.

Он кивнул, стал одеваться. Поймал мой взгляд и улыбнулся.

- Ты смотришь на меня, Госпожа.

- Назовешь меня так еще раз, и я запрещу приходить в спальню, - насупилась я.

- Это привычка, но я постараюсь... Алекс. Я буду ждать тебя внизу, - сказал он и вышел.

Двадцать имен. Двадцать мужчин, которые принадлежали мне. Которые смотрели на меня как на Госпожу, как на ту, кто держит их жизни в своих руках. Двадцать рабов, которые ждали моего прикосновения. Я встала. Подошла к окну, распахнула шторы. Свет залил комнату - яркий, утренний, золотой, он проникал в каждую клеточку моего тела. Я смотрела на сад, на цветы, которые уже начали распускаться, и чувствовала, как внутри меня поднимается решимость. Я смогу. Я должна. И я сделаю это.

Оделась - платье, легкое, удобное, не стесняющее движений. Волосы собрала в низкий хвост, чтобы не мешали. Я хотела, чтобы они видели меня - настоящую. Не Госпожу в шелках и украшениях, а женщину, которая пришла узнать их.

И вышла из комнаты. Прошла по лестнице вниз, и каждый шаг приближал меня к тому, что должно было случиться. В главном зале уже ждал завтрак. Лиран стоял у стола, поправляя тарелки. Когда он увидел меня, его лицо осветилось улыбкой.

- Доброе утро, Госпожа, - сказал он, и в его голосе было столько тепла, что я почувствовала, как оно разливается по моему телу.

- Лиран. - Я подошла к нему и коснулась его руки. Мои пальцы накрыли его запястье. - Не называй меня так. Я Алекс.

- Это сложно, - ответил он. - Мы не привыкли к такому. Но я постараюсь тебя не злить. Садись, Алекс, завтрак готов.

Завтрак был простым, но вкусным. Свежий хлеб с медом - тягучим, золотистым, пахнущим летом. Фрукты - сочные, сладкие, они таяли на языке. Чай с ароматными травами.

- Ты волнуешься? - спросил Лиран, садясь напротив меня.

- Да, - честно ответила я. - Я не знаю, что говорить.

- Они такие же, как мы, - сказал Лиран. - Они были там, где мы. Они знают, что такое быть вещью. И они будут смотреть на тебя - и ждать.

- Я не хочу, чтобы они боялись меня, - призналась я. - Я не хочу быть для них еще одним тираном.

- Они не будут бояться, - ответил он. - Если ты не заставишь. Если ты будешь видеть в них людей, а не вещи.

Я кивнула. И продолжила есть.

Через несколько минут к нам подошел Миран.

- Госпожа, - поклонился он. - Я готов показать вам поместье. Если вы готовы.

Я вытерла руки о салфетку и встала. Мои колени чуть дрожали, но я заставила себя успокоиться.

- Готова.

- Идемте, - произнес он и повернулся к выходу.

Я пошла за ним.

Мы вышли во внутренний двор. Воздух был свежим, прохладным, пахло землей и зеленью. Солнце только начинало подниматься, и его лучи пробивались сквозь листву деревьев, создавая золотые пятна на дорожках. Миран вел меня по дорожкам, мимо клумб, мимо деревьев, мимо фонтана, который тихо журчал в центре сада. Вода переливалась на солнце, и я смотрела на нее, чувствуя, как ее спокойствие передается мне.

- Здесь живут рабы, - сказал Миран, кивая на приземистое здание в конце двора. - У каждого есть своя комната. Спальня, небольшой шкаф, окно. Не роскошно, но чисто. Им дают еду три раза в день. Одежду - по сезону. Медицинскую помощь - если требуется. Они не голодают. Они не мерзнут. Они не болеют без помощи.

Я слушала его и пыталась представить. Двадцать мужчин. Двадцать жизней, которые были в моих руках. Они жили здесь, в этих стенах, и ждали. Меня.

- Они довольны? - спросила я.

Миран остановился и повернулся ко мне. Его лицо было непроницаемым.

- Они живы, - ответил он. - В Гильдии они были никем. Они знают, что им повезло. Они знают, что могли бы быть мертвы.

- Но они не свободны, - сказала я.

- Нет. - Он внимательно посмотрел на меня. - Но они не страдают. Это больше, чем имеют многие.

Я промолчала. Груз ответственности давил на мои плечи.

- Пойдемте, - позвал Миран. - Я покажу вам кухню.

На кухне было жарко. Пар поднимался от котлов, в которых что-то варилось, пахло хлебом, мясом, зеленью. Двое рабов стояли у столов - один резал овощи, другой помешивал что-то в большом чане. Я видела, как они работают - без лишних слов, без лишних движений.

- Тейн, Рейн, - представил Миран.

Названные подняли головы. Они смотрели на меня как на Госпожу - и ждали.

- Продолжайте работать, - сказала я. - Я просто хочу посмотреть.

Тейн и Рейн вернулись к готовке. Я смотрела, как они работают. Как их руки двигаются быстро, ловко. Как их плечи напряжены от моего внимания.

- Они здесь давно? - спросила я Мирана.

- Тейн - три года. Рейн - пять. Оба из Гильдии. Оба - хорошие работники. Они обучены поварскому делу.

Мы вернулись в сад. Там, среди цветов, на коленях возился мужчина. Его руки были в земле, и он что-то говорил растениям - тихо, нежно, как говорят с детьми.

- Аэрин, - сказал Миран.

Аэрин взглянул на нас. Его серебристые глаза, с темным ободком вокруг радужки, смотрели спокойно, без страха. Только любопытство и что-то похожее на тихую радость.

- Госпожа, - сказал он, и голос его был мягким, текучим, как весенний ручей.

Я подошла ближе. Присела рядом с ним на корточки, не боясь испачкать платье.

- Зачем ты разговариваешь с растениями?

- Они любят. Тогда они растут лучше, - он ласково провел ладонью по траве. - Вы не боитесь испачкаться, Госпожа?

- Нет. - Я взяла щепотку земли и растерла ее между пальцами. - Почему ты любишь цветы?

Он задумался.

- Потому что они не предают, - сказал он наконец. - Они не говорят плохих слов. Они не смотрят на тебя как на вещь. И они красивые. Они не требуют ничего. Только воды и света.

- Спасибо, - сказала я. - За то, что поделился.

Он улыбнулся.

- Спасибо вам, Госпожа. За то, что не прошли мимо.

Мы отправились дальше.

Мастерская была в конце двора. За столом сидел мужчина и чинил стул. Его руки были сильными, и я видела, как он аккуратно вставлял новый деревянный штырь, заменяя сломанный. Он работал с такой любовью, будто это было самое важное дело в мире.

- Самир, - позвал Миран.

Самир поднял голову. Он был немного старше других - несколько морщинок вокруг глаз, пару седых прядей в волосах. Его взгляд был уверенным. В нем была мудрость.

- Госпожа, - сказал он, не отрываясь от работы.

- Что ты делаешь? - спросила я, подходя ближе.

- Чиню стул. - Он показал мне сломанную ножку. - Будет как новый. Крепче, чем был.

- Ты умеешь чинить все?

- Почти все, - ответил он, и в его голосе послышалась усмешка. - Кроме того, что сломано внутри. Это не починить руками.

- Спасибо, - сказала я. - За твою работу.

Миран повел нас обратно в дом. Комната отдыха была в конце коридора. Я услышала тихие голоса, смех, шорох страниц. Я остановилась на пороге, не входя. Там было четверо рабов. Они сидели вокруг стола, и один из них - высокий, с темными волосами, падающими на глаза, - читал им книгу вслух. Его голос лился как музыка.

- И тогда она поняла, что свобода - это не место. Свобода - это выбор. Выбор быть собой, даже если весь мир говорит тебе, что ты никто. Выбор дышать, даже когда воздух кажется отравленным. Выбор жить, даже когда смерть кажется проще.

Я замерла, слушая. Его голос проникал в меня, заставлял сердце биться быстрее. Я чувствовала каждое слово.

- Дамиан, - прошептал Миран. - Он читает им. Чтобы они не забывали, кто они.

- А такое бывает? - спросила я так же тихо.

- Иногда. - Нехотя ответил Миран. - Когда слишком много думают. Когда воспоминания становятся слишком тяжелыми. Чтение помогает. Его голос... он успокаивает их.

Дамиан поднял глаза и встретил мой взгляд. Но не остановился - продолжал читать.

Когда мы вернулись в главный зал, Миран положил на стол папку. Я знала, что там. Двадцать имен. Двадцать жизней.

- Это расписание, Госпожа, - сказал он, открывая папку. - На первый месяц. Вы будете видеть каждого из них по очереди. Каждый день - по одному. По два часа. Этого достаточно. Чтобы начать.

Я открыла папку и посмотрела на список. Двадцать строк. Двадцать имен. Я читала каждое, и рядом комментариев Мирана - о том, кто они, откуда, чем занимаются, что любят.

- Это не наказание, - сказал Миран, глядя на меня. - Это обязанность. Вы должны узнать их. Каждого. Иначе вы никогда не станете настоящей Госпожой.

Я смотрела на список. На двадцать жизней, которые были в моих руках.

- Я сделаю это, - сказала я.

Миран кивнул.

- Тогда завтра начнем. Если вы готовы.

Я кивнула, взяла папку. Поднялась в свою комнату. Села на кровать и снова перечитала список. Каждое имя было как дверь, за которой пряталась жизнь. Как тайна, которую мне предстояло разгадать. Каждый из них был уникальным.

Я не знала, что будет завтра. Я не знала, что они скажут мне. Я не знала, откроются ли они мне. Но я знала одно - я должна сделать это. Ради них. Ради себя.

Двадцать имен. Двадцать жизней. Я запомню их всех. Я узнаю каждого. И я сделаю все, чтобы они чувствовали себя людьми. И они заслуживают того, чтобы их увидели.

Глава 10

Аэрин

Я стоял за дверью её спальни и считал удары своего сердца. Один. Два. Три. Четыре. Я сбился, потому что слышал, как она двинулась внутри - лёгкий шорох ткани. Звук, от которого у меня пересохло в горле, будто это впервые в жизни. Миран сказал мне: «Сегодня ты первый». Ладони были влажными, и я вытер их об одежду - жест, который я повторял тысячи раз перед тем, как войти в комнату новой Госпожи, готовый к тому, что меня могут ударить или унижить. Но сейчас это было по-другому.

Я не боялся Хозяек. Я привык к ним. За годы рабства я пережил не одну - и каждая оставляла свой след на моём теле и в моей душе. Одни были жестокими, другие равнодушными - они использовали меня и забывали на следующий день, даже не запоминая имени. Я научился отключаться. Уходить внутрь себя, пока тело делает то, что от него требуют. Я научился смотреть сквозь них, думать о чём-то другом - о цветах, о ветре, о том, как пахнет земля после дождя. Я научился выживать.

Но эта Госпожа была другой. Она разговаривала со мной в саду, не боясь испачкать платье, присаживаясь рядом с рабом, разговаривая с ним как с равным. Она не играла роль. И это пугало меня больше, чем любая жестокость. Потому что я не смогу спрятаться за маской. Я не смогу отключиться. Она видела меня.

Того мальчика, которого продали родители, когда ему было десять. Того, кто долго просыпался по ночам с криком, когда снился тот день - день, когда их с братом увели, а мать плакала, не вытирая слёз. Того, кто научился молчать, чтобы выжить.

Я поднял руку и постучал. Чтобы Госпожа знала - я здесь, я жду её приказа.

- Войдите, - раздался её голос.

Я толкнул дверь и вошёл. Она сидела на подоконнике. Её волосы были распущены, и они струились по плечам золотым водопадом, переливаясь в свете свечей, которые горели на столике у кровати. На ней была тонкая белая рубашка, почти прозрачная, и я видел, как ткань облегает её тело, как обозначаются соски.

Я опустил на колени. Как я делал тысячи раз. Голова опущена, руки на бёдрах, спина прямая - поза раба, который ждёт приказа. Я смотрел в пол. Я не смотрел на неё. Так меня учили. Госпожа решает, когда я могу поднять глаза.

- Госпожа, - проговорил я. - Я здесь по расписанию.

- Встань, - велела она.

Я поднялся, не поднимая глаз.

- Подойди, - сказала она.

Я сделал шаг. Остановился на расстоянии вытянутой руки. Я чувствовал её тепло, даже не касаясь. Оно исходило от неё, как от огня.

- Посмотри на меня, - сказала она.

Я послушался. Её глаза встретились с моими.

- Ты боишься? - спросила она.

- Да, Госпожа, - ответил я честно. Слова вырвались сами, и я удивился тому, что сказал правду. Я никогда не говорил Господам правду. Я говорил им то, что они хотели слышать. Я врал, чтобы выжить. Но сейчас я не мог врать. Я не хотел врать.

- Я тоже, - призналась она.

Я не верил своим ушам. Госпожи не боялись. Госпожи приказывали. Госпожи брали, не спрашивая. Они не показывали уязвимость. Это было не позволено. Это было слабостью. А тут мы были на равных.

- Почему? - спросил я, и мой голос дрогнул.

- Потому что я не хочу это делать, - сказала она. - Но я должна. Ради вас.

Я чувствовал, как внутри меня ломается защитная стена, за которой я прятал своё настоящее «я». Её слова проникали внутрь. Она протянула руку. Я взял её, и её пальцы сомкнулись вокруг моих. От этого прикосновения по моему телу пробежал ток. Она держала меня так, будто я был человеком, а не вещью.

Мои пальцы расстегнули тунику. Я встал перед ней обнажённый. И не чувствовал стыда. Только странное спокойствие, будто я наконец-то сбросил с себя тяжёлый груз. Я видел, как её взгляд скользит по моему телу - по плечам, по груди, по животу, по бёдрам, по моей возбуждённой плоти. Она протянула руку и провела по моей груди. Я затаил дыхание, боясь спугнуть этот момент. Её прикосновение было нежным, таким, будто она боялась сделать мне больно, будто она прикасалась к чему-то драгоценному. Она коснулась моего лица, провела по губам.

- Ты красивый, - сказала она. - Ты знаешь это?

- Никогда не знал, - ответил я, и мой голос дрогнул. - Госпожи смотрели на меня как на вещь. Никто не говорил мне, что я красивый. Как человек. Они говорили, что я хороший инструмент. Что моё тело хорошо служит. Но никто не говорил, что я красивый.

- Ты красивый, Аэрин.

Я не знал, что сказать. Я просто стоял и смотрел, чувствуя, как её пальцы гладят мою щёку, как они возвращают меня к жизни.

Она потянула меня за руку, и я лёг рядом с ней.

Она коснулась моей груди, спускаясь к животу. Я закрыл глаза, позволяя себе просто чувствовать. Чувствовать её руки на своей коже. Чувствовать её дыхание. Чувствовать её присутствие.

- Расскажи мне о себе, - попросила она.

Никто никогда не спрашивал меня об этом. Госпожам было всё равно, откуда я. Им было важно только то, что я могу дать им - своё тело, свои услуги, свою покорность. Но она спрашивала. Она хотела знать.

- Нас продали родители, - сказал я. - Когда нам с братом было по десять лет. Нас заметил агент Гильдии Наслаждений. Он сказал, что мы можем стать... особенными. Что нас будут кормить, одевать, учить. Что мы никогда не будем голодать.

- А мать?

- Она умерла для меня в тот день, когда нас продали, - сказал я тихо. - Я не помню её лица. Только голос. Она пела мне колыбельную. Я не помню слов. Только мелодию. И как она плакала, когда нас уводили.

- Я знаю, как это - терять дом, - тихо произнесла она.

- Ты тоже потеряла дом? - спросил я.

- Да, - сказала она. - Я потеряла всё. Мою планету, моих друзей, мою жизнь. Всё, что я знала, исчезло. Я оказалась здесь, в этом мире, и я не знаю, как в нём жить. Я не знаю, как быть Госпожой. Я не хочу быть Госпожой.

Я не знал слов, которые могли бы утешить её. Вместо этого я взял её за руку и сжал. Её пальцы были такими тонкими...

- Теперь ты не одна, - проговорил я. - Я знаю, что всего лишь раб. Я знаю, что мои слова ничего не значат. Но я хочу, чтобы ты знала - ты можешь положиться на меня.

Я наклонился и поцеловал её. Не как раб, который выполняет приказ. Как мужчина, который рядом с женщиной. Мои губы коснулись её губ, и я почувствовал, как она замирает на секунду, а потом отвечает. Я целовал её медленно, не торопясь, и в этом поцелуе было всё: благодарность, нежность, боль, которую мы разделили друг с другом.

Я приподнял её и посадил на себя сверху. Её бёдра обхватили мои, и я почувствовал влажность. Моя плоть была твёрдой, готовой войти в неё, и я застонал от одного только предвкушения.

Она была тесной, и я чувствовал, как она принимает меня целиком. Мы начали двигаться. Плавно, ритмично. Её бёдра двигались вверх и вниз, грудь колыхалась в такт. Её волосы рассыпались по плечам, глаза закрыты, губы приоткрыты, она выглядела как воплощение желания. Это было то, что я никогда не видел раньше. Это было то, что я хотел видеть вечно.

Я положил руки на её бёдра, чувствуя, как её кожа горит под моими пальцами. Я помогал ей двигаться, направлял её, и она стонала. Я ускорил её движения, чувствуя, как её стенки сжимаются вокруг меня, как она становится всё более влажной, как она приближается к пику. Давление внутри меня нарастало, оно становилось невыносимым, я приближался к краю вместе с ней.

Её тело содрогнулось вокруг меня, крик разорвал тишину комнаты. Я кончил следом, подхватывая её оргазм, как они слились в одно целое, в одно мгновение, которое длилось вечно.

Она упала на меня, тяжело дыша.

- Спасибо, - прошептала она.

- За что? - удивился я.

- За то, что ты был честен со мной.

- Это тебе спасибо, что ты помогла вспомнить, что такое быть человеком.

Я смотрел на неё и знал, что никогда не забуду эту ночь. Я знал, что она изменила меня. Навсегда.

Глава 11

Миран

Я стоял в тени колонны и смотрел, как она идет по саду. Она ступала так, будто сама земля под ней была живой и требовала бережного обращения. Она касалась цветов. Я смотрел на нее и чувствовал, как внутри поднимается что-то странное. Это было похоже на то, как если бы в грудной клетке у меня зажгли свечу, которую я не просил зажигать. И я не знал, как ее погасить.

Я наблюдал за ней с того момента, как она появилась в поместье. Сначала я думал, что она будет такой же, как все. Я видел много Хозяек за семь лет. Они приходили, использовали, уезжали. Когда они злились - мы получали побои. Но чаще, они были равнодушны - и это было хуже всего, потому что это означало, что они даже не видели нас.

Я научился улыбаться и кланяться. Я научился быть необходимым. Я стал главным рабом потому, что так было безопаснее. Если ты управляешь другими, тебя реже трогают. Если ты нужен, тебя не выбрасывают.

Но она была другой. Я понял это с первого дня. Она была растеряна. Она смотрела на нас как на людей, которые должны были стать частью ее жизни, и это знание давило на нее. Я видел, как она морщится, когда кто-то из рабов опускается на колени.

Я видел, как она слушала пение Дамиана. Как менялось ее лицо, как появились маленькие морщинки на переносице от того что она нахмурилась. Дамиан пел о том, что потерял, о своей семье, о доме, которого больше нет. И она сопереживала. Потому что тоже потеряла. Свой мир. Себя.

Я видел, как она сидела с Айданом в саду, на земле, не боясь испачкать платье. Она слушала его так, будто он говорил не о цветах, а о чем-то важном. Она касалась руками земли, разминала ее между пальцами. Когда он пришел в ее спальню, я стоял за дверью, готовый вмешаться, если что-то пойдет не так. Но он вышел после всего с счастливым взглядом, так как будто нашел что-то утерянное очень давно. Я видел, как меняются рабы. Она меняла их. Она давала им то, чего у них никогда не было - надежду. И они начинали верить, что они действительно люди, а не вещи.

И она меняла меня.

Семь лет я следил за порядком, выполнял приказы, управлял другими, чтобы защитить их. Я научился не чувствовать - потому что если чувствуешь, то теряешь контроль, а если теряешь контроль, ты уязвим. Но она заставляла меня чувствовать.

Мой отец был рабом. Мать слишком любила его – а это недопустимо в нашем мире. Отца передали другой Госпоже. А мать сослали на окраину, как пониженную в рейтинге. Вместе с детьми. А их было пятеро – я и еще четыре девочки, мои сестры. Я должен был заботиться о них. Я сам нашел агента и сказал: «Возьмите меня. Я сильный. Я выносливый». Агент заплатил матери мешок монет... Я не смотрел, как она плакала. Я не хотел запоминать ее лицо.

В Гильдии меня учили. Ублажать. Следить за порядком. Выполнять приказы, не задавая вопросов. Мне было легче, чем другим, потому что я уже знал, что значит не иметь выбора. Я стал лучшим. Я был тем, на кого можно положиться.

Я хотел ее. С того момента, как она взглянула на меня своими огромными печальными глазами цвета изумруда. Захотел, как мужчина хочет женщину. Я хотел быть тем, кто стоит рядом с ней, когда она просыпается. Я хотел ласкать ее тело каждую ночь, соединяться с ней в спазмах оргазмов. Но я знал, что это невозможно. Я знаю правила. Я один из тех, кто ждал очереди. Я не мог быть единственным. Но я не мог перестать чувствовать.

Я не знал, что делать с этим чувством. Я не знал, куда его деть. Я знал только, что оно не уходит. Я знал, что она должна быть со всеми рабами. Это была ее обязанность - расписание,

составленное мной, список имен, который она держала в руках. Я знал, что она должна делить себя с другими мужчинами. Это было неизбежно. Система не прощала исключений.

Но когда я видел, как она улыбается кому-то другому, внутри меня закипала ревность. Она поднималась откуда-то из самых глубин, из той части меня, которую я забыл.

Я не хотел быть просто главным рабом. Я хотел быть с ней. Даже если это будет означать, что я должен ждать.

Я направился к ней.

- Госпожа, - произнес я.

Она повернулась. Солнце падало на ее лицо, и она улыбнулась мне.

- Миран, - произнесла она. – Что-то случилось?

- Я хотел бы поговорить с вами.

- О чем?

Я искал слова, которые не нарушили бы правила.

- О вас, - сказал я. - О нас.

Она замерла. Она пыталась понять, куда я клоню.

- Что ты имеешь в виду? - спросила она.

- Я хочу быть с вами, - сказал я. - Не только как главный раб. Как мужчина.

Я сделал шаг ближе. Она не отступила.

- Я смотрел на вас, - сказал я. - Я видел, как вы меняете все вокруг. Я видел, как вы смотрите на рабов - не как на вещи, а как на людей.

Я взял ее руку, поднес ее к своей груди, туда, где билось сердце.

- Я хочу, чтобы вы знали: я готов ждать. Я готов быть рядом. Я готов сделать все, чтобы вы были счастливы - даже если это счастье будет без меня.

Я отпустил ее руку. Я знал, что завтра я приду к ней. По расписанию. Но приду не как главный раб, который должен выполнять свои обязанности. Как мужчина. И она теперь знает об этом.

Глава 12

Аэрин

Ночь стояла над поместьем плотная, бархатная, та, что не пропускает свет даже самых ярких звезд. Я стоял у окна в комнате, которую мы делили с Лираном, и смотрел в темноту. Где-то в саду пела ночная птица - протяжно, тоскливо, и ее голос отдавался в моей груди глухой, щемящей болью. Я вдыхал влажный воздух, пахнувший землей и цветами.

Она была не похожа на тех Хозяек, которых я видел прежде. В ней не было холодной надменности, привычной для женщин Саарита. В ней была мягкость, которую я не привык видеть в этом мире. И боль. Я знал это чувство. Я носил его в себе столько лет, что оно стало частью меня, въелось в каждую клетку. Мы были похожи - она и я. Оба потерянные, оба ищущие опору в этом жестоком мире. Я видел это в ее глазах, когда она смотрела на нас. И это пугало меня больше, чем любой приказ. Потому что я снова начинал чувствовать.

Я повернулся к Лирану. Его лицо было спокойным, но я знал его лучше, чем себя. Я знал, что он чувствует, даже когда он молчит. Он тоже не спал.

- Ты тоже думаешь о ней? - спросил я, нарушая тишину.

Его глаза встретились с моими. В них было отражение моих собственных мыслей, моих собственных страхов. Мы всегда были связаны, даже на расстоянии.

- Да, - ответил он. - Я думаю о ней все время.

Я подошел к койке и сел на край. Он был моим братом, моей второй половиной, моим отражением. Мы прошли через одно и то же - но мы по-разному с этим справлялись. Я замкнулся в себе, научился не чувствовать. Лиран, наоборот, стал искать тепло в каждом прикосновении, в каждом взгляде. Мы были двумя сторонами одной монеты, и эта женщина, эта землянка с золотыми волосами, переворачивала нас, заставляя видеть то, что мы скрывали даже друг от друга.

- Она не такая, как другие, - сказал я.

- Да, - согласился Лиран. - Она не смотрит на нас не как на рабов, а как на мужчин.

- Это опасно, - сказал я, и слова эти прозвучали горько, как давно выученный урок. - Для нее. Для нас.

- Я знаю, - кивнул брат. - Но я не могу перестать чувствовать. Я заставлял себя не думать о ней. Но каждую ночь, когда я закрываю глаза, я вижу ее лицо. Я слышу ее голос. И я не могу отогнать это.

- Надежда - это слабость, - сказал я, и слова эти прозвучали как приговор, который я сам себе вынес много лет назад.

- Нет, - возразил Лиран. - Надежда - это сила. Ты забыл, каково это - надеяться. Ты закрылся от этого так давно, что перестал чувствовать. А я не хочу переставать. Даже если это причиняет боль.

Он был прав. Я закрылся от мира, чтобы выжить. Я научился не чувствовать, потому что чувства приносили только боль. Но теперь, когда она появилась, эта стена начала трескаться.

- Я боюсь, что система сломает ее. Что она станет такой, как другие. Что она перестанет видеть в нас людей.

- Не станет, - ответил Лиран. - Она другая. Я знаю это.

Я замолчал. Что я мог сказать? Что он был прав?

- Я должен увидеть ее, - сказал я.

- Иди, - ответил Лиран.

Я встал и направился к двери. Когда я вошел в ее комнату, она сидела за столом и что-то читала.

- Аэрин, - удивленно посмотрела она на меня. - Что-то случилось?

Я подошел ближе. Мои пальцы, дрожащие и неуверенные, коснулись ее плеча.

- Ты не спишь, - сказал я.

- Нет, - ответила она. - Я плохо сплю. Постоянно думаю.

- О ком? - спросил я.

- О вас, - ответила она. - О том, что вы для меня значите.

Я смотрел на нее, и слова застряли в горле. Я хотел сказать ей, что она - первая женщина, которая видит во мне человека.

- Ты для нас тоже много значишь, - сказал я наконец, и голос мой дрожал.

Она протянула руку, и я взял ее. Ее пальцы были теплыми, мягкими, и я чувствовал, как ее тепло передается мне, разливаясь по телу живительным потоком. Наклонился и поцеловал ее. Медленно снял с нее одежду, обнажая плечи, грудь,

Ее тело открывалось мне медленно, с той тихой готовностью, которая была дороже любых слов. Я не торопился. Я давал ей время для того, чтобы мы оба могли ощутить каждый миг этого соединения. Ее тело отвечало на каждое мое движение. Внутри нарастало напряжение. Оно росло с каждым моим движением, с каждым ее вздохом. Она отдавалась тому, что происходило между нами, полностью.

Когда волна накрыла нас, ее тело содрогнулось в последнем, освобождающем ритме. Дыхание сорвалось, превратившись в тихий, сдавленный звук, который был громче любого крика. Ее тело дрожало подо мной, и я чувствовал, как те же спазмы проходят сквозь меня.

- Я люблю тебя, - прошептал я.

- Я тебя тоже, - ответила она, и я знал, что она не лжет.

Я закрыл глаза и позволил себе уснуть. Впервые за много лет я не чувствовал себя одиноким.

Глава 13

Миран

Свет двух солнц падал на ее лицо, и я видел, как она улыбается чему-то своему. Она была прекрасна - не той недоступной красотой, которой обладали Госпожи Саарита. В ее лице не было холодного превосходства, не было той выточенной, почти безжизненной безупречности, которую здесь так ценили. В ней было другое - мягкость, теплая незащищенность, которая казалась здесь почти опасной. Она не пыталась выглядеть сильнее, чем была. Не пряталась за маской. И именно поэтому на нее хотелось смотреть снова и снова.

Я наблюдал за ней с того момента, как она появилась в поместье. Семь лет я был главным рабом. Семь лет я управлял гаремом, следил за порядком, решал споры, успокаивал тех, кто терял надежду. Я знал каждое лицо, каждую историю. Я помнил, кто плачет по ночам, кто улыбается слишком часто, кто уже перестал ждать и просто существует, подчиняясь распорядку дней. Я видел, как ломаются сильные, как тихо исчезает воля у тех, кто еще вчера смеялся. И потому сразу понял, что она - не отсюда. Не по одежде, не по осанке, не по тому, как она смотрела вокруг с осторожным, но не покорным удивлением. Она заставляла меня чувствовать. Она смотрела на меня так, будто я не был рабом. Она говорила со мной так, будто я был ей небезразличен. Она касалась меня так, будто я был желанным. Я смотрел, как она останавливается у куста с алыми бутонами, наклоняется и вдыхает их аромат.

Она была здесь, но она не принадлежала этому месту. Она была как птица, которую посадили в золотую клетку. Клетка была красивой, кормили ее лучшей едой, давали мягкие подушки и шелковые ткани. Но клетка оставалась клеткой. Даже сейчас, стоя среди ухоженных дорожек, под цветущими деревьями и в тени резных арок, она выглядела так, словно все вокруг было ей чуждо. И, может быть, именно поэтому мне было так тяжело смотреть на нее сейчас.

Я направился к ней. В руках я держал конверт из плотной темной бумаги, перевязанный алой лентой. Он прибыл сегодня утром с посыльным от Верховной Матери. Я знал, что в нем. Я знал, что это значит. Я держал его в руках не решаясь отдать. Я искал способ смягчить удар. Но его не было. Таких ударов не смягчают. Можно только оттянуть момент, на несколько вдохов, на несколько шагов, на несколько секунд. Но и это - лишь жалкая отсрочка.

Пока я шел к ней, мои мысли возвращались к тому, как все устроено здесь. В поместье каждое слово имело вес, каждое приглашение было приказом. Настоящая власть приходила на бумаге с печатью и красным воском. Она выражалась в праве позвать и в праве уничтожить. И сегодня этот конверт был именно таким знаком - вежливым, изящным, безупречно упакованным предупреждением.

- Госпожа, - сказал я, подходя ближе.

Она повернулась, и я увидел ее улыбку. Она была открытой, и я чувствовал, как она проникает в меня, согревая изнутри. В эту короткую секунду мне даже показалось, будто можно ничего не говорить. Будто можно просто стоять рядом, пока солнце медленно двигается по небу, пока ветер шевелит листья, пока мир сохраняет хоть видимость нормальности. Но конверт в моих руках тяжелым камнем возвращал меня к реальности.

- Миран, - произнесла она. - Что-то случилось?

Я смотрел на нее, и слова застревали в гортани. Я хотел сказать ей, что все в порядке. Хотел сохранить ее улыбку хотя бы еще на миг. Но я не мог. Она должна была знать, в какой мир попала. Если бы я солгал сейчас, она заплатила бы за это позже.

- Пришло приглашение, - сказал я, протягивая ей конверт. - От Верховной Матери Силуанны.

Она взяла конверт. Алый воск хрустнул, рассыпался мелкими осколками, и я смотрел, как она разворачивает плотную бумагу, как ее глаза бегают по строкам. Я видел, как краска

отливает от ее лица. Ее плечи, еще мгновение назад расслабленные, напряглись. Пальцы чуть сильнее сжали лист, словно она надеялась удержать себя от того, чтобы не отшатнуться от написанного.

- Что это? - спросила она.

- Торжественный прием в резиденции Верховной Матери, - ответил я. - Светское событие высшего света Саарита. Ваше присутствие обязательно. Отказаться - смертельное оскорбление.

Я говорил ровно, но внутри все сжималось. Каждый раз, когда приходилось объяснять такие вещи, мне казалось, будто я сам снова надеваю старый ошейник. Я помнил свой первый прием. Помнил запах благовоний, смех Госпожи, от которого хотелось вжаться в пол, чужие руки, чужие взгляды, правила, которые никто не проговаривал вслух, потому что все и так должны были знать их с рождения. Тот, кто не знал, быстро понимал.

- И что там происходит? - спросила она, и я видел, как ее пальцы сжимают бумагу.

Она пыталась держаться, и я уважал это. Но в ее лице читалась растерянность.

- Это оргия, Госпожа, - сказал я, и слова эти дались мне с трудом. - Традиционное светское событие. Госпожи собираются, чтобы обмениваться рабами, демонстрировать свое положение и укреплять связи. Вы должны будете взять с собой одного из рабов. Его будут использовать другие Госпожи. И вы будете использовать их рабов. Это не просто развлечение - это политика. Это способ показать, кто ты есть в этом мире.

Пока я говорил, я видел, как ее лицо становится все бледнее. И, несмотря на то что я знал: ей нужно услышать правду, мне хотелось остановиться. Потому что правда была мерзкой. Грязной. Но именно так и держалась их система - на унижении, которое подавалось как традиция, и на жестокости, переодетой в церемонию.

- Я не могу, - сказала она, и ее голос был тихим, почти шепотом. - Я не могу этого сделать. Ее слова не удивили меня.

- Вы должны, - сказал я. - Если откажетесь, это будет конец. Вас понизят в статусе. Или хуже.

Она подняла на меня взгляд, и в нем было столько боли, что мне стало тяжело дышать.

- Что может быть хуже?

Я замолчал на долю секунды. Потому что в этом месте хуже всегда было где-то рядом, за тонкой дверью, за следующей подписью, за следующей ошибкой.

- Изгнание, - сказал я. - Или смерть. Система не прощает тех, кто отказывается подчиняться. Она ломает их. Или стирает. Вы не первая, кто пытался сопротивляться. И вы не будете последней.

Когда я это произнес, перед глазами на миг всплыли чужие лица - те, кого уже нет здесь, и те, чьих имен я даже не произносил вслух, чтобы не помнить слишком остро. В нашем мире память была роскошью. Сочувствие - слабостью. А надежда часто превращалась в наказание.

Она замолчала. Я видел, как она борется с собой, как она пытается найти выход, который не существует. Ее губы дрогнули, потом сжались. Взгляд уперся в письмо, будто там, между строк, должен был прятаться иной путь. Но в таких письмах никогда не было иных путей. Только одна дорога - туда, куда тебя ведут.

Я взял ее руку, чувствуя, как она дрожит в моей ладони. Ее ладонь была холодной, и это пугало сильнее любых слов. Я осторожно сжал пальцы, стараясь дать ей хотя бы немного опоры.

- Я знаю, что это тяжело, - сказал я. - Я знаю, что вы не хотите быть частью этой системы. Но вы в ней. Это не жестокость - это реальность. Я видел, как она уничтожила тех, которые были сильнее вас.

Я говорил это и чувствовал странную горечь. Потому что хотел защитить ее не только из долга. Потому что в ней было что-то, что заставляло меня помнить, что я все еще способен хотеть этого - защищать, а не только исполнять, следить, подчиняться. И именно поэтому я

должен был быть осторожным. Любая слабость здесь использовалась против тебя. Даже если эта слабость была просто желанием спасти кого-то от боли.

- Я не хочу, - ее лоб прорезала морщинка.

В ее голосе слышалось не упрямство, а настоящая, почти детская беспомощность. Она не капризничала, не пыталась спорить из принципа. Она просто не могла принять то, что ей предлагали, как норму.

- Вы должны, - возразил я, кивая в сторону дома, где остались рабы. - Если вы откажетесь, они потеряют все.

Я не стал перечислять, что именно потеряют. В этом не было нужды. Она и так должна была понимать. Здесь цена отказа никогда не ограничивалась одним человеком. Система всегда брала больше. Наказание падало цепью, задевая всех, кто был рядом. И это было еще одной ее мерзкой хитростью: заставлять жертву думать не только о себе, но и о тех, кого она не имеет права подвести.

- Кого я должна взять с собой? - спросила она, и ее голос был глухим, безжизненным.

- Это должен быть тот, кто уже участвовал в таких событиях, - сказал я. - Кто знает правила. Кто сможет поддержать вас. Аэрин.

Аэрин знал, что такое быть использованным. Он знал, как выжить в этом мире, не потеряв себя. Я не стал говорить больше. Не стал объяснять, что именно он умеет делать в такие моменты, как держать лицо, как понимать полутона, как не дать чужой жестокости превратиться в личную катастрофу. Он и так все это знал. Как знал и то, что выбора у него на самом деле нет. Но, в отличие от многих других, Аэрин умел принимать неизбежность без того, чтобы растворяться в ней.

- Я сообщу ему.

Когда я оставил ее, солнце уже стояло выше, и свет стал жестче. Он заливал дорожки, крыши, стены, выхватывал из зелени белые колонны, блеск фонтанов, тени под арками. Все вокруг выглядело слишком мирным для того, что только что произошло. И от этого становилось еще тошнее. Поместье умело прятать свою жестокость под красотой. Так же, как и их традиции. Так же, как и сами Госпожи, чья вежливость могла обернуться приговором.

Я нашел Аэрина в его комнате. У него был тот вид человека, который никогда по-настоящему не отдыхает, потому что давно привык ждать удара.

- Миран, - поздоровался он. - Что-то случилось?

- Она получила приглашение, - сказал я, и я сел на койку напротив него.

В таких местах тишина редко означала покой. Чаще - напряжение, передышку перед очередным требованием, очередным приказом, очередной ролью, которую кто-то обязан сыграть. Он закрыл глаза, и я видел, как его лицо искажается. Он не показывал этого, но я знал его достаточно хорошо, чтобы видеть, как он сдерживается.

- Я знал, что это случится, - сказал он, и его голос был тихим. - Я знал, что однажды мне придется пройти через это снова. Но она нуждается во мне.

Мы были разными - я, Аэрин, Лиран. Но мы были готовы защищать ее. Любой ценой.

- Она не знает, что это такое, - сказал я. - Ты должен подготовить ее. Ты должен объяснить ей правила.

Он открыл глаза и кивнул. В его взгляде было то редкое спокойствие, которое появляется у тех, кто уже однажды прошел через темноту и знает, как вести других, не обещая им легкости.

- Хорошо, - кивнул он. - Я сделаю все, чтобы помочь ей.

И в этот момент я впервые за весь день позволил себе на миг поверить, что, возможно, мы успеем подготовить ее хоть немного к тому, что ждет впереди. Что даже в таком мире рядом окажутся те, кто готов помочь.

Глава 14

Алекс

Утро после приглашения было тяжелым. Я почти не спала. Ворочалась, смотрела в живой потолок, слушала, как пульсируют золотистые нити, и думала. Думала о том, что меня ждет. О том, что я должна буду сделать. О том, что я не хочу этого, но у меня нет выбора.

Одно из солнц, то что золотое, только начинало подниматься над горизонтом, заливая комнату бледным, еще не теплым светом. Я сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в окно. Сад был прекрасен. Фонтан тихо журчал, птицы пели, и ветер доносил запах цветов. Райский уголок. Тюрьма. Я смотрела на эту красоту и чувствовала, как внутри меня поднимается тоска - по дому, которого у меня больше нет, по миру, в который я не вернусь, по той жизни, которую у меня отняли. Я здесь - Госпожа в мире, где правят интриги, жестокость и бесконечные игры с чужими жизнями. Я не просила этого. Я не хотела этого. Но я была здесь.

Дверь открылась. На пороге стоял Аэрин. Он знал, что меня ждет. Он знал, что я боюсь.

- Госпожа, - сказал он. - Я пришел, чтобы поговорить с вами. О том, что будет.

Я кивнула. Он сел на стул напротив меня, и я видела, как он собирается с мыслями.

- Я знаю, что это тяжело, - сказал он. - Я знаю, что вы не хотите этого. Но я должен объяснить вам правила. Чтобы вы знали, что делать.

- Говори, - велела я.

- Это событие называется «Пир Обмена», - начал он. - Госпожи собираются в большом зале. Они сидят на возвышениях, а рабы - в центре. Их... используют. Обмениваются. Это как демонстрация силы. Как показ того, кто кем владеет. Это не просто развлечение - это политика. Это способ показать, кто ты есть в этом мире.

- Я знаю, - сказала я, и голос мой дрогнул. - Миран уже говорил мне.

- Он сказал вам, что происходит, - кивнул Аэрин. - Но он не сказал вам, как это пережить.

Я смотрела на него, и я видела, как его глаза наполняются болью. Он знал, о чем говорит.

Он проходил через это. Он знал, что это такое - быть вещью.

- Как? - спросила я.

- Не показывать отвращения, - сказал он, и в его голосе послышалась та же стальная решимость, что и у меня. - Не вступать в конфликт. Беречь свою власть через спокойствие. Если вы покажете, что вам это неприятно, они почувствуют слабость. И они используют это против вас.

- Я не могу притворяться, - сказала я, и голос мой дрогнул. - Я не могу делать вид, что мне это нравится.

- Вы должны, - сказал он. - Это единственный способ выжить. Вы не принимаете систему. Вы просто... играете по ее правилам. Пока не найдете способ изменить ее. Нужно сначала в ней выжить.

Он был прав.

- Что я должна делать? - спросила я.

- Вы должны быть спокойной, - ответил он. - Вы должны смотреть на них с высоты. Вы должны показать им, что не боитесь. Даже если внутри вас все дрожит. Даже если вы хотите закричать. Вы должны держать спину прямой и взгляд холодным.

- А что будет с тобой? - спросила я, и голос мой дрогнул. - Что они сделают с тобой?

Он смотрел на меня, и я видела, как его глаза наполняются болью. Он не хотел говорить мне правду. Но он знал, что я должна знать.

- Со мной будет все в порядке, - сказал он, и в его голосе не было уверенности. - Я знаю, что делать. Я научился этому. Главное - чтобы вы были в порядке. Я переживу это. Я переживал и хуже.

- Я не хочу, чтобы ты страдал, - сказала я.

- Я делаю это ради вас. Потому что вы - моя надежда. Потому что вы дали нам то, чего у нас никогда не было.

- Спасибо, - прошептала я.

Он улыбнулся, и в его улыбке была нежность.

- Это моя работа, Госпожа, - сказал он.

Но я знала, что это неправда. Это было не работой. Это было любовью.

Остаток дня я провела в подготовке. Миран принес мне платье - темно-синее, тяжелое, с глубоким декольте и длинными рукавами. Оно было красивым, но я чувствовала себя в нем чужой. Как актриса, которая играет роль, написанную для нее другими. Ткань была дорогой, шелковой, но она душила меня. Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала себя. Я была Госпожой. Я была частью системы, которую ненавидела. Но я знала, что у меня нет выбора.

Аэрин стоял рядом, и я чувствовала его поддержку.

- Вы готовы? - спросил он.

- Нет, - покачала я головой.

- Вы сильная, - произнес он. - Вы справитесь. Я верю в вас.

Когда совсем стемнело, мы отправились в резиденцию Силуанны. Транспорт мягко катился по дорогам. Я чувствовала, как внутри меня нарастает страх. Аэрин сидел рядом, держа мою руку в своей.

- Я боюсь, - тихо сказала я.

- Я понимаю, - сказал он. - Но я буду рядом.

Когда мы вошли в резиденцию, я почувствовала, как внутри меня все сжимается. Зал был огромным, залитым светом тысяч светильников. Вдоль стен стояли Госпожи в роскошных платьях, и их взгляды были холодными, оценивающими. Они смотрели на меня так, будто я была товаром, который они могли купить или продать. Я чувствовала себя выставленной напоказ, словно я была не человеком, а вещью.

Аэрин взял меня за руку, и я чувствовала, как его пальцы сжимают мои. Он не говорил ничего, но я чувствовала его поддержку. Я чувствовала, как его уверенность передается мне.

- Не бойтесь, - прошептал он. - Я рядом. Я не оставлю вас.

Автокар остановился у резиденции Силуанны, там, где меня ждали. Аэрин помог мне вылезти и я шагнула вперед. В пасть чудовища. Аэрин сжал мою руку, и я чувствовала, как его пальцы переплетаются с моими.

- Дышите, - прошептал он. - Глубоко. Ровно.

Я сделала глубокий вдох, и мы вошли. Все взгляды были обращены на меня. Я выпрямила спину, подняла голову и посмотрела на них с высоты. Я была Госпожой. Я не была слабой. Я была сильной. И я покажу им это.

Силуанна подошла ко мне, я почувствовала, как внутри меня все сжимается. Она смотрела на меня с холодной улыбкой, и я видела, как ее глаза скользят по моему платью, по моему лицу, по Аэрину, который стоял рядом.

- Какая красивая игрушка, - сказала она, и ее голос был сладким, как яд. - Я бы хотела взять его на этот вечер.

Аэрин еще раз сжал мою руку, затем отпустил ее и склонился перед главной.

- Я всегда к вашим услугам, госпожа, - проговорил он.

Глава 15

Аэрин

Ее пальцы скользнули по моей ладони. Я знал, что она смотрит на меня. Я чувствовал ее взгляд на своей спине, когда склонялся перед Силуанной. Я знал, что она видит, как я превращаюсь в того, кем должен быть здесь - в раба, готового выполнить любое желание Госпожи.

- Я всегда к вашим услугам, госпожа, - произнес я, и голос мой был ровным, лишенным эмоций. Я слышал в нем ту самую пустоту, которую показывал всем, кроме нее. Я был рабом. Я был вещью. Я был тем, кем меня сделали.

Силуанна улыбнулась, ее пальцы, украшенные кольцами, коснулись моего подбородка, приподнимая мое лицо. Я не сопротивлялся. Я по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.